

М. И. Картавцева

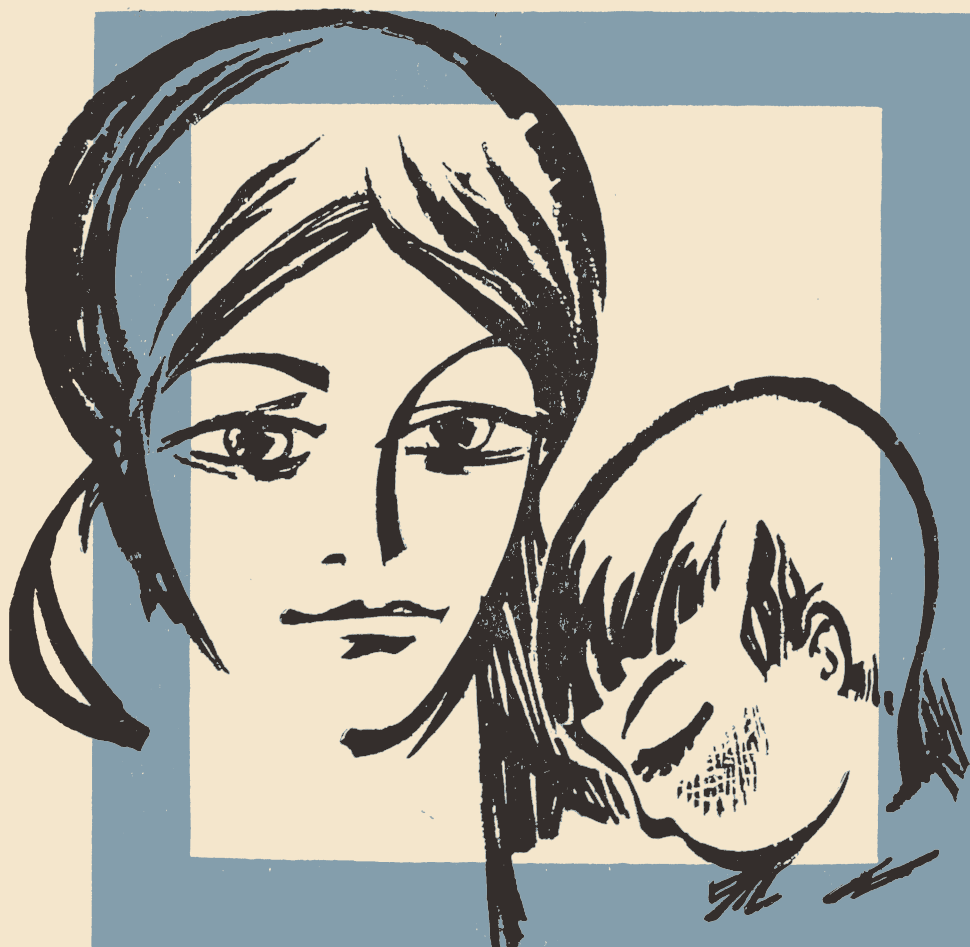
Родители просят совета

3

НАРОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

М. И. Картавцева

Родители просят совета

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1970

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
Вступление	3
В ваш дом пришел учитель	5
Растет в семье сын	11
Выросла девочка	19
Положите себя под микроскоп...	26
Быть людьми	31
Не хлебом единым	39
За школьной оценкой...	45
Есть ли друзья у ваших детей?	52
С чего начинается Родина?	57
Качество присутствия	61

Марина Игнатьевна КАРТАВЦЕВА

Родители просят совета

Редактор *О. Г. Свердлова*
 Художест. редактор *Т. И. Добровольнова*
 Техн. редактор *Е. М. Лопухова*
 Корректор *В. В. Каночкина*
 Художник *А. Астрецов*

Вступление

В потоке повседневных дел, забот, волнений не всегда отчетливо осознаешь, как напряженно пульсирует сердце твоего народа, как огромна твоя страна... Но однажды наступает мгновение, когда ты останавливаешь бег времени и оглядываешься вокруг. И тогда протягиваются к тебе руки, и летят голоса, и ты чувствуешь всю необъятность нашей большой Родины.

Ко мне это мгновение приходит, когда я разбираю свою почту: Братск, Латвия, Урал, Краснодар, Мурманск, Москва, Магадан, Брест, станции, полустанки, поселки...

Пишут рабочие, летчики, учителя, колхозники, пишут студенты, пишут отцы, матери, дедушки.

Пишут о детях — чаще всего. О своих, о чужих, о взрослых и маленьких.

Вопросы и сомнения, и тревоги, и радости в них — разные. Вот, пожалуй, одно только их объединяет — уверенность, что на письмо придет ответ, совет, поддержка. Ибо за спиной учителя, которому письмо адресовано, человек видит страну свою большую, чувствует заботу о себе, верит, что он «не пылинка в вихре судьбы», что его заботы и тревоги не безразличны нашему обществу в целом.

Мы многому учим человека в жизни — физике и математике, астрономии и биохимии, искусству варить сталь и борщ. Учим планомерно, целенаправленно, в системе. Но очень важному и очень трудному умению — искусству строить семью и воспитывать детей учим недостаточно. Не потому, что ленивы или беззаботны. Просто нет учебников по этому предмету. Нет готовых, выверенных рецептов от всех болезней роста человеческой личности. Да и возможны ли они?

Но это совершенно нас не извиняет. Ибо есть педагогическая наука, которая устанавливает общие принципы воспитания. Есть проверенные жизненным и педагогическим опытом старших приемы и методы воспитания. Есть, наконец, осознание определенных трудностей в воспитании детей в наш сложный и умный век. Все это, вместе взятое, и рождает поток писем читательских и необходимость ответа на них.

Разумеется, этот ответ не будет категорическим советом: «Делай так и не делай этак», потому что индивидуальность родителей, семьи, своеобразие педагогических ситуаций, возникающих в процессе воспитания, исключают такую прямолинейность решения.

Молодая думающая женщина, мать семилетнего сына из Донецка, пишет:

«Не все у меня ладится с Димкой. Читаю Макаренку, Экзюпери, Тэсс, Долинину — как будто все понимаю теоретически. А вот на деле все труднее и труднее, потому что у меня все чуть-чуть иначе складывается...»

Как раз это «чуть-чуть» и исключает категоричность совета: речь-то идет о человеческом характере, сердце, развитии, а на этом пути все «чуть-чуть» значимы.

Выходит, нет смысла обращаться к педагогической публицистике? Нет, надо обращаться, только без требования найти в ней панацею от всех бед в воспитании детей.

В конце концов успехи в воспитании есть только производное от воспитанности воспитателя. И, очевидно, книги по педагогике, написанные в самых разных жанрах, дают не столько исчерпывающий ответ или совет, сколько заставляют задуматься над воспитанием, искать, сопоставлять, сравнивать, лучше видеть свои маленькие находки и свои просчеты. Словом, размышлять. А это ведь главный залог успеха — размышление над формированием личности своего ребенка.

В брошюре «Родители просят совета» будет сделана попытка, классифицируя письма родителей, побеседовать с ними по вопросам, затронутым в письмах.

В ваш дом пришел учитель

Мне не с кем посоветоваться: родители (мои и мужа) погибли во время войны, у соседей об этом не спросишь, хорошо знакомого, близкого учителя нет.

Дело в том, что наш сын в этом году пойдет в 1-й класс. Все ему уже купили: и книги, и портфель, и форму. Да вот радости полной у нас в доме нет. Сын болен, он очень нервный, состоит на учете в психоневрологическом диспансере. Что ждет его в школе? Как к нему отнесутся дети, учительница? Она заходила к нам недавно, но мы так и не посмели сказать ей обо всем. Вдруг она сразу его не взлюбит? А не сделали ли мы хуже для него?

Демидовы

...Вчера дочка вместе с аттестатом принесла из школы характеристику. Прочитала я ее и собственную дочь не узнала: такая она чуткая, трудолюбивая, скромная.

А я, мать, за все ее 17 лет не помню, чтоб она хоть себе бельишко постирала. Чтоб хоть открыткой меня на праздник 8 Марта поздравила. Все я для нее больше добра была. Вот и выросла она двуличная: в школе хорошая, а дома — вечное недовольство и капризы.

Неужели вы, учителя, не видите этого? Я ни о чем не прошу вас, теперь уж поздно.

Только вот не пойму никак, отчего она такая?

Алябьева Р. Н.

Как-то в самом начале учебного года я сказала своим пятиклассникам, что обязательно у каждого из них побываю дома, побываю утром и вечером, посмотрю, как они занимаются и как отдыхают.

По классу пронесся вопль ужаса: «Зачем!?»

А Костя заявил прямо: «А я, как увижу Вас, сразу уйду из дома!» Бледная Лиля робко уточнила: «А к хорошим ученикам Вы тоже будете приходить?» По-моему, она была способна даже на жертву — хорошо учиться — лишь бы учитель не приходил домой.

Я стояла, немного растерявшись: почему такая реакция? Ведь они еще не знают, зачем я приду в их дом, что скажу

их родителям. Они, по существу, и меня-то как следует не знают, а вот уже ожидают подвоха — и только подвоха.

Потом, мгновенно позже, понимаю, что сердиться и обижаться (тем более!) — глупо.

Ведь они сейчас просто искренне выражают то, что взрослые скрывают. А скрывают они глубокое убеждение: если учитель пришел в дом — жди беды и неприятностей. Сейчас, немедленно, ты узнаешь, как плох твой сын, как он груб, как ленив, как срывает уроки физкультуры или пения, как не выполняет домашних заданий и т. д. и т. п.

С другим сообщением в дом своего ученика учитель заходит редко. И я даю себе слово: в первый раз прийти в дом моих мальчишек и девчонок только с хорошим. Только с хорошим. И говорю им об этом. И полушутя, полусерьезно стараюсь воспитать в них вежливых хозяев: учу первыми поздороваться с учителем, когда он придет, предложить раздеться, взять тяжелую сумку с тетрадями... И даже предложить чаю. И угостить яблоками, если они окажутся на столе.

Словом, убеждаю их, что я буду гостем, а не жандармом.

Прошло полгода. Мои благие намерения как можно чаще посещать своих питомцев рушатся. Бывают дни, когда кажется, что ученическим ошибкам и тетрадям не будет конца... Не будет конца совещаниям, собраниям, дополнительным занятиям, дежурствам и уйме других дел, без которых нельзя представить себе работу учителя.

Но, с другой стороны, нельзя, невозможно себе представить воспитание детей без основательного, глубокого знания условий их жизни вне школы, в семье.

Ведь она, эта жизнь, очень часто оказывается совсем-совсем иной, чем за школьным порогом.

...К некоторым ребятам и родителям я иду сегодня всего второй раз. Иду после пятого урока в сопровождении своих питомцев, которые заботливо тащат сумку с тетрадями и на полном серьезе спрашивают:

— А что вы будете делать, если вас в каждом доме будут угощать чаем?

— Буду пить!

— Один чай?

— Почему? Может, мне и хлеба кусочек дадут...

— Пойдемте к нам, у нас печенье есть.

Это сказано без тени шутливости.

До чего же милые, простодушные мордашки у моих ребятшек... Раскраснелись щеки, блестят глаза, звенят их голоса в морозном вечернем воздухе.

Какие
Хорошие
Выросли дети!
У них удивительно ясные лица!

Это про моих пятиклашек сказал поэт Леонид Мартынов
Но ясные — не значит безмятежные. Ясные — не значит не
знающие слез, страданий.

...Соня, напротив, чаще всего печальна. Только иногда
улыбка вспыхнет на ее лице. И погаснет сразу, будто испугав-
шись.

...А у Павлика — совершенно беззаботная улыбка, и он
всегда весел. Постоянно весел. Это тоже не слишком успокаи-
вает.

...А Тамара сегодня впервые выступала перед классом с
небольшим сообщением, очень волновалась, но говорила хо-
рошо.

...Наконец-то тронулся лед, и Олег выполнил первое обще-
ственное поручение...

Каждый день в нашей пионерской республике насыщен со-
бытиями — большими и маленькими.

Со всем этим учитель идет в дом, где живут его питомцы.

Сегодня я прежде всего зайду к Соне. У нее немного нала-
дилось дело с учебой, и мне хочется порадовать ее маму.

Помню милую молодую женщину, которая плакала в учи-
тельской и все твердила: «Она же никуда не выходит, целый
день дома сидит. Почему же двойки?»

И я не знаю, почему двойки. Девочка замкнута, в классе
держится особняком. Это несвойственно ее возрасту.

Вхожу в переднюю. Открывает мать. Здравуюсь. Из ком-
наты слышу грубый мужской голос:

— Кто там? Кто разговаривает? Документы!

Вскоре появляется хозяин дома. В тельняшке. Глаза сон-
ные. Придвигаясь прямо к моему лицу, басит требовательно.

— Ты кто? Документы!

— Я учительница вашей дочери.

— А-а! Все равно. Документы!

Понимаю бесполезность логики в разговоре с пьяным, но
чтобы как-то привести его в чувство, предлагаю ему тетрадь
дочери. Он рычит:

— Как она учится? Лодырь! Я знаю, что лодырь!

Уходим вдвоем: я, Соня и мать.

Слушаю горькую, как полынь, исповедь матери. Оказы-
вается, сегодняшняя картинка — явление обыкновенное.

И мне ясно теперь почему редко-редко улыбается де-
вочка.

А мама, кажется, до сих пор считает, что между двойками
дочери и поведением отца нет связи.

Чувствую свое полнейшее бессилие. Чем помочь и как?
Девочка сыта и одета. В комнате, кажется, даже полирован-
ная мебель. У нее есть мать и отец. Но она лишена главного—
светлого представления о жизни. Она уверена, что так, навер-
ное, у всех: отец до утра не спит сам и не разрешает ей; она

уверена, что это нормально; отец ни разу не держал в руках ее тетради и дневника. Уверена, что иначе и быть не может, что это норма. А если не норма, то почему это есть в нашей жизни?

Иду и думаю: удастся ли мне убедить ее в обратном?

Но твердо уверена в одном—я не допущу в отношении к ней педагогической ошибки, окрика, несправедливого упрека: я видела, как сидела она сегодня на диване маленькая, нахохлившаяся птичка. Сидела и вздрагивала, слушая, как отец требовал документы у ее учительницы.

Я в ней самой должна воспитать силу протеста, желание жить и учиться иначе. Уверенность, что это возможно. Она должна понять эту мудрую человеческую истину: из человека в конце концов получается то, что он захочет и сумеет воспитать в себе сам.

Ибо, кажется, даже мама ей плохая опора и помощница.

...Когда Генка читает или что-то рассказывает на уроке, его очень любит слушать весь класс: до того хорошо у него все получается. Он прямо живет тем, о чем рассказывает.

Особенно выразительно он передает характеры зверей. Они у него, как люди: озорные, хитрые, самоуверенные. Учится он хорошо, но неровно. То целую неделю одни пятерки украшают его дневник, и он сияет. То вдруг запестрят тройки, и Генка сгорбится, опечалится, глаза наполнятся слезами, но он совершенно по-взрослому, по-мужски, умеет их остановить: взмахнет резко головой — скатятся две крупные горошины — и все.

Сегодня он опять (в который раз!) явился на уроки без ручки, и весь день прошел насмарку.

Сегодня же он провинился на пении — хохотал весь урок.

А когда я спросила, что было причиной смеха, простодушно ответил:

— Учитель говорил смешные слова.

И все-таки главная причина моего визита к ним в дом — не эта.

Мне надо выяснить, откуда эта неровность в учебе, расеянность, частые опоздания.

Поднимаюсь в квартиру на 5-й этаж.

Он только-только успел раздеться, придя из школы. (А ушел из нее час назад! Но ведь в детстве дороги всегда кажутся длиннее и... интереснее, чем в старости!). Открыл дверь в трусиках, но дух рыцарства победил смущение, он предложил раздеться, сам повесил пальто, поставил сумку и побежал надевать брюки.

Вхожу в комнату. Телевизор уже включен, родителей еще нет дома.

Ну и оперативность!

На столе ворох бумаги, резинка, рваная варежка, рогатка, старый атлас, букварь (?), фантики, а злополучной ручки, конечно же, не видно.

Из беседы с родителями (они вошли в самый разгар наших поисков) выясняю, что потеря ручки — еще не самое страшное. Это уже следствие. А причина его рассеянности и опозданий в другом.

— Вот в этом ящике, — отец выразительно стучит по ребру телевизора, — он смотрит его и утром, и вечером; если передачи хорошие, он не учит уроков.

— А как вы узнали, что он включает его утром, — мой вопрос кажется родителям верхом наивности.

— Счетчик, счетчик...

— А как вы пробовали с этим бороться? И с этим вот, — я глазами указываю на Генкин письменный стол, напоминающий палубу пиратского корабля после разгрома.

Мать и отец разводят руками: «Ничего не можем добиться».

Двое взрослых людей не в состоянии приучить 12-летнего мальчика содержать в порядке свой стол? Не верю. А кто же тогда поможет ему воспитать в себе волю, верность, честность?

Воспитание детей требует ума, системы и... терпения. Первое качество налицо у Генкиных родителей: они, действительно, очень хорошие, умные люди.

А вот системы и терпения, по-моему, не хватает.

— Вы думаете, я ему обо всем не говорила? Да тысячу раз! — горячо заверяет мама.

А я верю в это и без горячих заверений.

Но трагедия как раз в этом «тысячу раз говорила». Без конца. А следует, видимо, сказать один раз. А остальные усилия направить на то, чтобы выполнил сын это требование обязательно.

— Но он не успевает, уйдет голодный в школу.

— Ну и что? Умрет? — это я так безжалостна к их сыну.

Сидим втроем, записываем по порядку, что и как надо делать в первую очередь. Надо теперь же поставить Генку в строгие рамки режима. В этом залог его будущего здоровья, будущей работоспособности и даже, если хотите, настроения.

Мне хорошо в этом доме. Здесь от меня ничего не скрывают. Здесь мне верят. Здесь очень хотят, чтобы сын был хорошим человеком. И если мы все трое — родители и учитель — проявим достаточно ума и настойчивости, то Генке просто ничего другого не останется, как стать собранным, ровным, крепким парнем.

Да если к этому еще прибавится его милое обаяние — какая хорошая вырастет человечинка!

Сегодня мне надо зайти еще к Павлику. К тому самому,

что всегда веселый. Его воспитывают бабушка и мама. Спрашиваю, как он помогает им по дому. Павлик смущенно молчит: я знаю, что ему нечего сказать.

Но тут вступает в разговор бабушка—милая, добрая, всепрощающая бабушка.

Я видела однажды, как, растопырив крылья, носилась по двору наседка, защищая цыплят от опасности, которая ей почудилась. Бабушка живо напомнила мне эту наседку: из ее слов выходило, что Павлик был мальчиком, с которого писали плакат «Пионер — всем ребятам пример».

А ведь он не такой. Он ленивый, беззаботный, без малейшего намека на чувство ответственности за учебу. Мама молчит, хмурит брови, волнуется.

Павлик косит хитрым глазом то в сторону мамы, то в сторону бабушки. Всем нам неловко.

Неловко слушать, как бабушка приписывает ему несуществующие добродетели: и за хлебом ходит, и половики вытирает, и полы моет...

Ей, наверное, кажется, что скажи она о нем учителю хорошее, он завтра станет таким.

А он не станет хорошим. Он станет плохим, беззаботным, безответственным человеком. Он уже становится таким.

Выхожу и думаю, как долго придется мне воспитывать... бабушку. Мы столько говорим о единстве требований, о совместных усилиях семьи и школы. Но как еще недостаточно этого единства в жизни, в практике воспитания.

В школе с детства воспитывается в ребенке убеждение, что общественная работа,—это очень важно, отношение к ней—мерило гражданских чувств человека, свидетельство его любви к классу, к школе, к Родине наконец!

А дома? Когда постучала дворничиха и попросила после снежного завала помощи в расчистке двора, отец ответил:

— Вам за это деньги платят!

К чести пионера Алешки, он все-таки пошел чистить снег: он еще в 5-м классе и больше верит правоте учителя, чем отца. А в 10-м ...? Вдруг он поверит, что философия отца удобнее? Теплее?

В школе ценой усилий, времени и нервов учитель добивается, чтобы все ребята участвовали в уборке класса. И они это делают. Дома те же ребята тарелку за собой не вымоют: никто этого в категорической форме не требует. И так до бесконечности.

И потому-то приходит учитель в ваш дом. Очень хочется ему добиться единства требований не на словах, а на деле.

К вам в дом пришел человек, в руки которого вы отдали самое дорогое — детей. Поэтому надо верить ему. Не скрывайте от него истинное положение дел. Его приход — не проверка. Он пришел вместе с вами подумать о сыне...

В нашей квартире четверо мальчишек: двое моих и двое соседских. Я стараюсь, чтоб мои помогали мне во всем. Никакой помощи от мужа я не вижу и не хочу, чтоб кто-то мучился и с моими сыновьями. Но мои требования они стали встречать в штыки, потому что товарищи (соседские ребята) называют их «мальчишками по ошибке» как только они начинают мыть полы или выполнять другую работу по хозяйству. Я-то понимаю, что права, но иной раз и засомнезаюсь. Мои соседи, люди солидные, считают, что в наше время главное для мужчины — получить высшее образование, добиться успехов по работе, а тогда деньги на все найдутся — и на домработницу. И поэтому надо создавать мальчикам все условия для учебы, жалеть их, а они нас в старости пожалеют.

А я все внушаю своим, что они и сейчас уже сильнее меня... Кто же из нас прав?

Чем больше подрастают, тем все сложнее с ними. Старший вон уж записки от девочек получает. Смеется. А я и тут тревожусь... Как-то у него все сложится?

С уважением М. Яськина

Так повелось уже издавна: по-особенному гордо радоваться, если в семье рождается сын. С ним чаще, чем с именем дочери, связываются надежды. О появлении сына затаенно мечтают даже несентиментальные отцы.

Нет-нет, мы нежно и искренне любим своих дочерей, но почти всегда каждый отец мечтает о сыне. И сыновья рождаются, конечно. И растут. И становятся солдатами и инженерами, врачами и каменщиками. И прославляют свою фамилию, оправдывая надежды отцов и матерей.

Но сыновья не только радуют, они и огорчают нас чаще, чем дочери.

Давайте понаблюдаем.

Школа. У кого в дневниках больше всего замечаний за поведение? У мальчишек, конечно. Чьи родители чаще всего приглашаются на беседу к директору школы, а то и на педсовет?

Мальчишек опять же.

И среди второгодников подавляющее большинство принадлежит все тому же неугомонному племени мальчишек.

Детская комната милиции. Появление девочки там — явление редкое, чрезвычайное даже; мальчишки бывают там чаще за различного рода правонарушения.

В чем причина?

Одни родители считают, что трудности воспитания сыновей таятся в особом характере мальчишек — непоседливых, любознательных, энергичных. Другие полагают, что все беды от недооценки специфики воспитания мальчишек в семье.

Очевидно, доля истины есть в том и в другом.

В силу биологических особенностей организма мальчиков они обладают громадной потенциальной энергией, которую нужно очень умело, умно, систематически направлять; в противном случае она вырывается на волю и приносит не радость созидания, а беды и огорчения.

К сожалению, порою родителей, у которых рождается сын, захлестывает лишь чувство радости, и не всегда рядом с этим законным чувством возникает чувство ответственности за то, как сделать сына настоящим человеком. В ярких лучах родительского счастья это кажется само собой разумеющимся — сын вырастает настоящим человеком.

Пока же с него нечего спрашивать — его просто надо любить. А подрастет, выучится, вот тогда и проявит себя.

Правильно. Во взрослом сыне проявится то, что родители заложили в нем в детстве: хорошее и плохое, доброе и злое.

С появлением сына в семье родителям предстоит долгие-долгие годы жить под пристальным его взглядом. В нем будет отражаться их малейший промах. Их доброта. Их ум. Характер. Манера поведения. Все до мелочей.

Мы меньше будем говорить сегодня об образовании как важнейшем факторе формирования личности сына, ибо образование он получает вне семьи. Мы побеседуем сегодня о нравственном воспитании в семье, которое осуществить вне ее трудно, почти невозможно.

А именно отсюда, из семьи, от материнской колыбели уносятся в большую взрослую жизнь наши сыновья мужество, доброту, силу. Утверждение, что мужские черты характера формирует только мужское общество, только трудность жизненных ситуаций, не совсем верно.

Правильно поставленное семейное воспитание — основа всего. Это аксиома.

Запомнилась мне одна жизненная история.

Рос у матери сын. Хороший рос сын, добрый. Ее радость и надежда. У него была умная и добрая учительница. Она учила его читать, писать и... любить маму. И быть внимательным к ней.

— Мама, я вымою полы!

— Мама, я помогу тебе стирать!

Сын предлагал свою помощь щедро и доверчиво.

— Что ты! Не мужское это дело возиться с тряпками. Ты лучше поди погуляй, я мигом управлюсь сама!

Мать говорила и делала так из добрых побуждений: пусть сын подольше побудет на свежем воздухе. Или почитает умную книжку.

Так бывало всегда: сын приходил в чисто прибранную комнату и к вкусному обеду — розовощекий и остроумный мальчишка. И стало нормой: все хорошее — сыну, все похуже — матери. И, как всякая норма, такое положение вещей стало незбылемым.

И сын уже не предлагал: «Мама, давай вместе стирать!» Он только недовольно морщился, когда воротничок рубашки казался ему недостаточно белоснежным. А руки матери стали уже слабыми: ведь они столько дел успели переделать за 50 лет!

Сын вырос эгоистом. Он приходил с работы, мылся, чистился (к аккуратности она его приучила!), с аппетитом съедал приготовленный обед, снисходительно хваля мать: «Молодец, ты сегодня постаралась!» Садился перед телевизором. Курил, читал. И засыпал, случалось, прямо в кресле.

Много раз в ответ на просьбу, обращенную к сыну, помочь по хозяйству мать слышала:

— Не мужское это дело — возиться с тряпками.

Материнская близорукая жалость вылилась теперь в целую жизненную философию.

Эта история, к сожалению, не исключительная. Так случается потому, что мы мало обращаем внимания на воспитание в мальчиках настоящего уважения и внимания к женщине — прежде всего к матери.

Надо иначе. Надо с самого детства внушать сыну мысль, что мужество, сила, честность, великодушие, умение прийти на помощь слабому — главные достоинства мужчины. И надо, чтоб это были не только слова. Как отвратительно наблюдать у взрослых мужчин за внешним уважением к женщине обывательское, презрительное отношение к ней. Надо, чтоб сын на деле проявлял свое уважение к матери.

Конечно, трудно добиться, да вряд ли это и нужно, чтоб он с любовью выполнял всякую домашнюю работу: мыл полы, бегал за молоком, приводил сестренку из детского садика и т. д., но можно добиться, чтоб сын воспринимал выполнение своих обязанностей по хозяйству как абсолютную необходимость, независимо от того, нравится ему это или нет.

Авовська для продуктов, которая побывает в руках вашего сына сегодня, ни капельки не помешает развитию его математических способностей завтра. А вот развитию положительных душевных качеств поможет. И настоящую благодарность маме за ее большой труд заронит в сердце на всю жизнь.

Это все азбучные истины, но присмотритесь к окружающим вас семьям — во многих из них все делается наоборот. Не приближают ребят к заботам и тревогам жизни семьи, а отсылают их на улицу, в кино — лишь бы не толкались под ногами.

Ведь это куда проще, чем, видя, что сын убрал небрежно квартиру, заставить, чтоб он переделал вновь, добиться, чтоб любое поручение выполнялось с максимальным старанием. Для этого родителям необходимо иметь силу воли, характер, настойчивость.

А для того чтобы самим за сына сделать — нужна только физическая сила. Мы забываем при этом, что человек в сыне начинается с этих вот маленьких, незаметных на первый взгляд мелочей, с любовного бережного отношения к родителям.

Если вам хоть однажды пришлось побывать в школе накануне 8 Марта, вы, наверное, сразу заметили необыкновенную активизацию мальчишек всех возрастов — от 7 до 17 лет. С таинственными улыбками, с хозяйственными сумками, из которых торчат зайчики, мишки, матрешки, торжественно-тихо они проникают в свои классы, чтобы девочки раньше времени не увидели их сюрпризы. Все мальчишки отглажены и отутюжены так, что глазам больно на них смотреть: прямо сияют.

Удивительная атмосфера царит в школе перед 8 Марта.

И хотя уроки идут строго по расписанию, они все-таки отличны от обычных.

Иду в 10-й класс с рассказом Ю. Яковлева «Сердце земли». Он вне всякой учебной программы, но он нужен мне сегодня ни капельки не меньше, чем мудрая классика. Это потрясающее, проникновенное слово сына о Матери, о сердце ее великом, о любви ее материнской. И еще — это скорбное слово прощанья с Матерью. И сожаления, мучительного, вечного сожаления о том, что тогда, при ее жизни, по молодости и эгоизму не был с нею нежен, не был к ней внимателен всегда, каждый миг...

Несу в класс этот рассказ сознательно: мне хочется внести в эту праздничную атмосферу улыбок, записок, шуток мгновение задумчивости и вопрос: а как я? я и мама?

И еще потому несу его в класс, что все стоит перед глазами вчерашняя встреча с Юриной мамой. Она пришла уже перед самым звонком, поэтому беседовать пришлось в коридоре. Маленькая, с синими усталыми глазами, она все время вытирала слезы и повторяла одну и ту же фразу: «Юрик, сынок, ну, как же дальше? Опять двойки?» И заглядывала ему снизу вверх в лицо доверчиво, нежно и вопросительно.

Юрий стоял рядом высокий, широкоплечий. Глаз не поднимал. Ему было стыдно. И мне было стыдно. И всем, кто на-

блюдал эту сцену, тоже было стыдно: уже очень бросалось в глаза это несоответствие — большой сильный сын и маленькая плачущая мама.

И для него я тоже несла этот рассказ в праздничный нарядный класс. Вчера он страдал только от неловкости, злился на мать. А мне-то надо, чтоб стало стыдно его сердцу.

Рассказ захватывает силой чувства, бьющего в нем, сразу, с первых строчек.

Им еще незнакомо (и — слава богу!) трудное, горькое чувство — воспоминание о матери. Их мамы пока еще рядом.

А вот молодой солдат, почти их ровесник, вспоминал...

Мы вместе с ним стояли на посту и отогревались дымом, тянувшим из трубы землянки. И вместе с ним читали письма из дома: они тоже согревали. В них, правда, не было строчек, букв, почерка — в них слышался мамин голос.

Она рассказывала, как ей тепло, хорошо живется. Вот тревожно только за него. Она писала о том, что у нее стоит елка. И горят свечи. И запах хвои в комнате. А на елке мерцают золоченые грецкие орехи.

Сын слушал этот ровный, теплый мамин голос, и ему прибавлялось силы от сознания того, что он защищает мать и что ей хорошо и спокойно.

«Потом оказалось, что все это было легендой, которую умирающая мама сочиняла для меня в ледяном доме, где все стекла были выбиты взрывной волной, а печки были мертвы, и люди умирали от осколков. И она писала, умирая. Из ледяного блокадного города слала мне последние капли своего тепла, последние кровинки...

А я поверил легенде. Держался за нее — за свой НЗ, за свою резервную жизнь. Был слишком молод, чтоб читать между строк».

И дальше шли с солдатом — их ровесником — за воспоминаниями о маме. О его маме. И о своей. Оказалось, что не слишком сумев порадовать, они уже умели огорчать их — своих мам.

«Но пройдут годы, и стыд настигнет тебя. И тебе станет мучительно больно от своей жестокой несправедливости. Ты будешь думать о дне своего позора даже после смерти матери, и эта мысль, как незаживающая рана, будет то затихать, то пробуждаться. Прости меня, родная!».

Стояла в классе хорошая тишина. Я знаю: в это время растет сердце моих ребятешек. Вот в эти мгновения тишины.

— Мальчишки, а вспомните, когда вы поцеловали свою маму в последний раз?

Зашевелились, улыбнулись смущенно:

— Давно...

— Все-таки?

— Давно...

— Отчего так?

— Да что мы девчонки? Это и не мужественно!

Странное понятие о мужестве было у моих мальчишек...

Есть такое качество человеческого «Я», которое особенно красит юношу, мужчину, — мужество. (Недаром они одного корня!)

Будет ли это смелое, принципиальное выступление на диспуте, схватка с врагом, спасение утопающего, умение сказать правду в лицо другу и недругу и не отступить от нее ни за что — неважно! Но именно в этот момент в душе вашего сына должно оказаться обязательное чувство — мужество. Не паркетное рыцарство, которое предполагает только умение склонить голову перед дамой, приглашая ее на танец, а настоящее рыцарство, сила, смелость.

Тут, надо сказать, очень много зависит от личности пап. От их личного обаяния и мужественности характера. Если они в жизни берут на свои плечи самые ответственные решения и самые трудные дела и сыновья знают об этом, можно быть уверенными в них. Хорошие примеры тоже заразительны.

А вот о немужественных поступках с сыновьями надо говорить чаще.

Однажды случилось плохое: в классе на перемене взрослый парень, ученик 11-го класса, ударил девушку. Она была неправа, наговорила ему лишних, обидных слов — это правда.

«Но как ты мог сделать такое — ударить девушку?» Это был мой ученик. И когда случается подобное, в душе возникает страшное нелепое ощущение: все зря! Вся твоя кропотливая и трудная работа, вся, кажется, продуманная система воспитания рассыпается, как карточный домик. Это очень трудные минуты в работе учителя. Учителя это знают. Переживала случившееся, как пощечину себе. А мне-то казалось, что он вырос. И возмужал. И стал благороднее. И вот... Перестала с ним разговаривать, здороваться, хотя это, разумеется, был не лучший способ заставить его понять свою вину.

Спустя два дня извиняется:

— Я не ее, а вас обидел!

А вот как себя унизил, понял нескоро. И не я его убедила в этом, а товарищи. На одном из наших диспутов «Что ты понимаешь под настоящей культурой?» зашел разговор о том, что делать парню, если он получил пощечину от девушки? Спорили долго, пока не поднялся Аркадий. В школе его любили и к мнению его прислушивались. Зал затих. «Если девушка хорошая — сказать ей спасибо!»

Аплодировали ему бешено.

И сразу встречный вопрос: «А если парень ударит девушку?»

Аркадий сморщился. «Да как же он сам на себя потом посмотреть сможет? Я не говорю уже об уважении к себе...» И сел.

Наверное, только тогда кое-что понял мой ученик.

Вообще надо сказать, что споры, диспуты, свободный обмен мнениями в классе, дома дает очень много для формирования личности юноши, помогает становлению убеждений, помогает увидеть свои ошибки.

Говоря о воспитании сыновей, мне хотелось бы остановить внимание родителей на одном очень важном вопросе — о половом воспитании. Мы больше здесь обращаем внимание на девушек, говорим им об ответственности за чувства, об опасности раннего брака, о достоинстве поведения и т. д. И не слишком тревожим сыновей разговорами об ответственности за их поведение, о рыцарском отношении их к девушке. А говорить об этом надо, ибо причин для самоуспокоения нет.

Есть интересная книжка И. Шамякина «Сердце на ладони». Мы обсуждали ее со старшеклассниками. Особенно много оценок, претензий, споров выпало на долю далеко не главного героя — Славки Шиковича. Это искренний, славный в своей искренности, но безответственный юноша. Он ищет себя в жизни трудно, совершает ряд ошибок. Обманул девушку, сблизился с ней не любя.

Когда ему в упрек поставили это одни ученики, другие (преимущественно мальчики) возразили весьма прямолинейно: «А что ему оставалось делать?»

То есть признавая какое-то сдерживающее начало за девушкой, они совершенно от него освобождали себя.

Помню, как-то давно в «Комсомолке» в одной из статей юноша, по имени Андрей, говорил, что по отношению к девушке можно судить об идейности парня.

Может, это сказано по-юношески резко, но есть в ней, в этой резкости, свой глубокий смысл. Ибо издавна мужество и порядочность шагали рядом с уважением к женщине.

Говоря с нашими сыновьями о любви, мы должны с ними говорить о семье, ибо им предстоит строить эту семью, быть ее не только материальной (это в наше время не так уже и трудно), но и нравственной опорой (что гораздо сложнее дается и оттого, видно, реже встречается).

Появившиеся на страницах периодической печати полемические статьи о возрастающей инертности, бесхарактерности главы семейства вызывают противоречивые чувства. И возражения: сколько вокруг примеров сильных мужских характеров! И горького согласия: да, еще встречаются мужчины без всякого характера и воли, а сколько детей, на которых влияние отца не сказывается никак — в лучшем случае, а в худшем — сказывается отрицательно; сколько разрушенных семей, исковерканных судеб, испорченных жизней.

А причина-то все одна: «глава семейства» по названию не становится главой по существу: не строит, не укрепляет семью силою своего чувства, ума, характера, мужества, нежности. Потому что к моменту создания семьи очень многих этих качеств в нем не оказывается. Потому что мы просмотрели и в свое время мало ему сказали о счастье ответственности за свое чувство. О радости и верности чувства. Особенно о верности. Ибо во многих западных фильмах и книгах утверждается как раз обратное — радость любви в бесконечной смене переживаний. Запад облекает это в красивую формулу «Спешите жить!» не в смысле «спешите делать добро», а в смысле «спешите чувствовать наслаждение».

Мало мы готовим сыновей к созданию семьи. Мало воспитываем в них чувство мужской ответственности за семью, за ее прочность, крепость.

«Некогда, все некогда, только и успеваешь что в дневник заглянуть!»—сеговала одна мама в ответ на просьбу учителя обратить внимание на развязность, а порою даже цинизм сына по отношению к своим одноклассникам.

А ведь настала уже пора заглядывать в сердце сына: что оно несет людям? Это сложнее, чем в дневник. Это труднее—заглянуть в сердце. Но порою оказывается, что нас туда не пускают. И так бывает. Хотя они и выросли, наши сыновья, А, может, именно потому, что выросли. А мы опоздали.

Итак, вы ждете сына, товарищи родители? И радуетесь этому ожиданию? Пусть сбудутся ваши надежды. Пусть рождаются сыновья, которых мы ждем. Это большое счастье — растить сыновей. И большая ответственность перед обществом. Перед людьми. Перед своей совестью. Ибо воспитание сына — это воспитание будущего гражданина, мужа, отца. А потому, приучая сына сегодня подавать вам тапочки и пальто, а позднее — дарить цветы, не считайте это «мелочью».

Воспитывая в нем сегодня непримиримое отношение к трусости, подлости, пошлости, вы воспитываете в нем мужество взрослого мужчины. Бережно и нежно относясь к жене, вы преподаете прекрасный урок уважительного отношения к женщине вообще. Нет мелочей на этом пути.

...Моей дочери только 12 лет. Она окончила 5 классов, но девочка не по возрасту развита физически, и незнакомые люди, случается, обращаются к ней: «Девушка». Этого она и стесняется и, на мой взгляд, гордится тем, что уже такая «взрослая». Начала, как я замечаю, обращать внимание на свою внешность, носит с собой зеркальце, и ей небезразлично, как сшита и сидит на ней одежда. Я ругаю ее за это, но особых сдвигов не вижу. Слушает она меня в пол-уха, и все остается по-прежнему. Как быть? Ведь это опасные симптомы в поведении?

Алексеева В. И.

...Может, вам покажется, что нет серьезной причины для волнения, но я совершенно не нахожу покоя. Поймите меня, постарайтесь понять сердцем.

Дочери моей 17 лет. Росла дома, среди своих в спокойной обстановке. Никаких осложнений с ее воспитанием и учебой у нас не было. Но вот она уехала учиться, попала под влияние легкомысленных подружек и увлеклась парнем старше ее, испорченным до мозга костей. Страдает учеба, брошены учебники, она бежит за ним всюду без стыда и гордости, и я бессильна со своими советами, доводами, нотациями. Он явный дон-жуан, ничего хорошего от этого увлечения ждать нельзя. Выхода не вижу, не пойму, что и когда просмотрела в дочери.

Петрова К. И.

Она вошла к нам уже на рассвете, шагнув в вагон прямо из белесой мглы. И еще укладывая чемодан, мешки, корзинку, нарочито возмущенно, а внутренне радостно сетовала:

— И когда это кончится, боже мой!

Все говорили люди, что дети подрастут, легче будет, станут помогать. А тут уж бабушкой стала, а все им помогаю, и конца-края этому не видать!...

Она была сравнительно молодая, лет сорока. Голос тревожно звонок, и серые глаза блестели почти озорно.

— Это вы-то бабушка? А сколько минут вашей внучке?

— А куда это вы направились? — пассажиры нашего купе

были активными пассажирами, так как поезд был «500-й — веселый» и спать не удавалось никому.

— К дочке, к дочке еду. Бросила все хозяйство и еду вот. Сын-то что? До армии и погулять не успел, а теперь солдат, карточку прислал: плечи — во! (Она горделиво развела руки в стороны). С дочкой — вот мученье. Разве они сейчас, дочки-то, слушаются родителей. После десятилетки уехала учиться в Харьков. Смотрю — присылает письмо: «Выхожу замуж, если хочешь — приезжай»

Обиделась я, не поехала. А через шесть месяцев еще письмо: «Родила Танечку — приезжай, мама». Тут уж хочешь-не хочешь — едешь... Я уж вторым рейсом.

— Ну, горе какое! Если бы все дочки в 17 лет слушались своих матерей, в мире не было б трагедий, — заметила пожилая женщина с нижней полки. Я не вижу ее лица, но чувствую, она улыбается.

— А я думаю, что была б она около меня, так рано замуж не вышла бы. Дочка должна быть около матери. А теперь пойдя удержи их.

— Какая тут беда: дочка замуж вышла, родила вам внучку — и больше трагедий не ждите. А вот что из моих хлопцев выйдет?.. Девочка в доме — цветок, а ребята — ну, прямо скажу, кактусы, — это не спеша, чуть смущаясь, произнес мужчина, что сидел у окна, в самом углу.

И пошел, и пошел разговор, а то и спор о том, с кем лучше жить, кого легче воспитывать — дочку или сына.

Лежу на верхней полке и слушаю.

А в самом деле? Существует, и довольно прочно существует мнение, что дочерей воспитывать проще, с ними меньше хлопот и неожиданностей, чем с сыновьями.

Да, разумеется, с девочками проще в смысле внешней линии их поведения: и носы, и стекла они разбивают гораздо реже, чем мальчишки. И реже виснут на заборах, и реже носят двойки. И на второй год остаются как исключение. Впрочем достаточно красноречивы такие цифры: среди отличников — 80% девочек; среди второгодников — 90% мальчишек.

Но в воспитании дочерей тем не менее есть свои трудности. Только встают они перед родителями несколько позже, создавая иллюзию благополучия и относительной легкости в воспитании девочек.

Мы как-то недостаточно обращаем внимания на специфику женского воспитания. Какое еще женское воспитание в наш век, когда даже в космос рядом с женщиной поднялась женщина? Но, может, именно поэтому, в связи с очень большими требованиями, которые предъявляет современное общество к женщине, эту проблему нельзя списывать с повестки дня?

Женщина нашего времени непосредственно участвует в

строительстве материальной базы коммунистического общества. Сошлемся на одну единственную, но весьма красноречивую цифру: из 100% взрослых, имеющих высшее образование, в нашей стране более половины падает на долю женщин. Это инженеры, врачи, агрономы, учителя. Нет почти ни одной отрасли промышленности и сельского хозяйства, где бы мы ни встретили женщину — работницу самого различного профиля.

И, конечно, при всем этом, разумеется, женщина — мать, она и основной воспитатель детей в семье.

Мы, конечно, не отрицаем серьезнейшей роли отцов в воспитании детей, но почти всегда до 2—3 лет ребенок воспитывается под непосредственным влиянием матери; первые понятия о добре и зле он получает из материнских уст.

Вот в чем сложность (и радость тоже) положения женщины в наше время: она и работница, и мать, и общественная деятельница, и жена.

Готовим ли мы своих дочерей к этому трудному умению? Я меньше всего сейчас имею в виду воспитание у них умений и навыков по ведению домашнего хозяйства. Готовить салаты и жарить рыбу они научатся на уроках домоводства в школе; консервировать фрукты сумеют, заглянув в любое пособие по кулинарии, а вязать шапочки сейчас умеют чуть ли не все третьеклассницы.

Нет, я имею в виду нравственную, психологическую подготовку наших дочерей к их будущей жизни.

Она ведь сложна и трудна, и радостна.

Научили ли мы широко и доверчиво нести людям эту радость? А как они встретят свои первые разочарования? Научили ли мы их, не растрачивая себя по мелочам, никогда не поступаться своим женским достоинством? Научили ли быть гордыми? И быть нежными?

Дети вырастают незаметно. Особенно девочки. Живут себе босоногие создания в платьицах выше колен, прыгают, играют, засыпая с любимой куклой в обнимку. А однажды подходят к зеркалу, вглядываются, открывают себя заново и понимают: выросли.

Смотришь назавтра — застучали по тротуару тоненькие каблочки, кому-то навстречу распахнулись ресницы — выросла девочка...

И вместе с этим приходит тревожная и напряженная пора раздумий о счастье, о верности и силе человеческих чувств. И как важно оказаться для дочери в эту пору самым близким другом, у которого за плечами и радость пережитого чувства, и горечь потерь, и глубокое понимание жизни.

Я знаю семью, где в пору нравственной и физической зрелости дочери с матерью установились очень близкие отношения. И мама молодела, слушая восторженный шепот доче-

ри, принимая ее признания сердцем. И поправляла, и учила, не задевая самолюбия, не обнажая стыдливости и тайны.

И знаю семьи, где чем взрослее становилась дочь, тем холоднее и отчужденнее были отношения с матерью, потому что все воспитание юной девушки сводилось к желанию оградить ее от опасностей юного возраста: «Смотри, веи себя строже, а то голову оторву! Не стой в подъезде — соседи увидят!»

И девочка, таясь не столько соседей, сколько от собственной матери, стоит в подъезде другого дома и с ней ее друзья, которых дома не знают, и с ней ее сомнения и тревоги, о которых никому не скажешь...

Правильно ли это? Наверное, нет.

Ибо главное не в грозном окрике: «не смей, не делай, не ходи!» Главное — в воспитании сознательного отношения к жизни, ибо только оно способно помочь отличить хорошее от плохого.

И если мы хотим как-то повлиять на отношения дочери со сверстниками — юношами и девушками — мы должны общаться с ними, знать их.

Друзья дочери должны стать и вашими друзьями, бывать в вашем доме, читать книги, смотреть передачи по телевидению, говорить о жизни. Не опасайтесь, что им будет с вами скучно. Они стремятся о многом у вас узнать, им нужны серьезные разговоры о жизни. И не за школьной партой, когда порою кажется, что все учительские истины диктуются только долгом, обязанностью.

Присмотритесь к ним, к ровесникам вашей дочери. И не спешите выразить свое неудовольствие тем, что один из них долго не стригся, а другой напевает песни, которые вам не по душе. Спрячьте недовольство и приветливо подайте чашку чая. Очень часто все это наносное, порою с одной-единственной целью — очень хочется молодому человеку, чтоб его заметил мир. Но он еще не сделал научного открытия, не летал в космос. Он еще даже быть добрым стесняется. И пока выделяется только этой шевелюрой. А под ней — совсем карие, совсем честные, совсем мальчишечьи глаза...

Не спешите сердиться. И если вы даже видите, что парень развязен, не спешите отругать дочь и запретить ей иметь таких друзей. Наверное, дочка увидела в нем однажды такое, от чего дрогнуло сердце. Не спешите. Надо будет — строго поговорите, убедите, может, придется сказать: «Не разрешаю!» А пока присмотритесь. И постарайтесь понять свою дочь. Ей кажется, что к ней постучалось счастье. Помогите разобраться: оно ли заглянуло в ваш дом? Или просто обманчивый отблеск его?

Я сознательно говорю о вашем доме, а не только о сердце дочери. Ибо беды и радости наших дочерей — это всегда беды и радости нашего дома.

Мы опозываем говорить с девочками о чувственной стороне любви, иногда вообще не говорим, считая это запретной темой. А искушение быть взрослой порою приводит к непоразимым бедам и ошибкам.

Целомудрие не есть результат счастливого неведения или страха. Оно всегда следствие и производное чувство собственного достоинства в поведении девушки.

В тот вечер мы с девочками-десятиклассницами, запершись в свободном классе от мальчишек, читали статью из «Комсомолки». Она называлась «У порога» и рассказывала о трагедии в душе девочки, их ровесницы, которая стала матерью. Однажды не подумав, не остановившись у порога юности, она перешагнула его, очертя голову. И вот она перед своими ровесницами — жалкая и мудрая девочка — мать.

Сидели мои озорницы притихшие, взволнованные. Мы впервые так серьезно говорили на эту тему. Мы все больше до этого обсуждали вопрос о том, что делать, если сразу два мальчика пригласили танцевать (хотя им в то время и это казалось проблемой величайшей важности!), удобно ли купить билет в кино товарищу, если этот товарищ очень тебе нравится, и т. д.

А тут вот такое... Это их потрясло. Лена тогда сказала: «Давайте поклянемся, что с нами никогда такого не случится!» Это было совсем по-детски — давать такие клятвы. Но я не стала их останавливать: пусть получше, на всю жизнь запомнят этот вечер и наш разговор.

Чем естественнее половое воспитание будет сочетаться с воспитанием женского достоинства, тем вернее мы воспитаем в наших дочерях достоинство человеческое. Но о половом воспитании мы запаздываем начинать разговор в школе и почти совсем не касаемся этой темы в семье, ограничиваясь деликатным умалчиванием.

И потому однажды мама хватается за сердце, услышав из уст выросшей дочки: «Твои понятия о девичьей чести и достоинстве женском устарели, мама. Теперь это не в моде». Как будто речь идет о шляпке или прическе.

А ведь чувство женского достоинства и девичьей гордости, чести должны быть естественным состоянием девушки, естественной потребностью ее внутреннего «Я». Ибо сама природа наградила девушку способностью к сдержанности и благородству в проявлении полового влечения.

Хотя вряд ли можно говорить обо всем этом в отрыве от личности человека.

Пожаловались мне как-то девочки-девятиклассницы, что мальчишки плохо к ним относятся: грубят, отпускают нескромные шуточки. «Вообще плюют на наше достоинство», — горько закончили они. Это обижало девочек до слез, до озлобленной грубости в адрес ребят.

В классе было неуютно жить. Помочь разобраться им в самих себе было необходимо. Шагали по вечернему городу и рассуждали, стараясь быть предельно самокритичными, из чего складывается это понятие — девичье достоинство, которое ребята по идее должны ценить и уважать, а на деле — при-
нижают.

Оказалось, это и отношение к жизни и к людям, и общественная значимость твоей личности в коллективе, и сложность духовного мира, и умение оставаться недотрогой без опасности прослыть «чистюлей», и верность, и нежность, и строгость чувства, и масса других качеств.

И, оглянувшись на себя, увидели: как часто и подолгу тупо молчали у доски, не умея выразить даже то, что знали, а часто не знали вообще ничего; как мало читали и оттого не умели отстоять в споре свою точку зрения — и с ними перестали спорить; как часто кричали на ребят тонкими, злыми голосами, обращаясь только по фамилии; как были пассивны в общественной жизни класса, и ребята только и видели их за партами или у доски...

И многое, многое другое вспомнили. И оказалось, что жили очень серо, без жажды знаний, без разносторонних внутренних запросов — как и в чем здесь могло проявиться женское достоинство?

Оно — прежде всего самоуважение, а уж потом — уважение других. С этого и решили начинать... В школе.

А в семье громадную роль в этом играет нравственный авторитет матери.

Я свято чту матерей. И мне всегда хочется воспитать в своих учениках огромное, всепоглощающее чувство любви и уважения к матери, задуматься над своим отношением к ней. И потому при любой нехватке часов по литературе я обязательно несу в класс изумительную поэму С. Острового «Мать», одну из сказок об Италии Горького, рассказ Ю. Яковлева «Сердце земли» — в них потрясающие, взволнованные слова о величии чувства матери.

Помните, есть у С. Острового строки:

Я берусь утверждать: в мире мало плохих матерей!

Отчего же тогда появляются люди плохие?

Открываю однажды тетрадь для сочинений одной своей выпускницы, чтобы проверить сочинение по Шолохову, а читаю вот что:

«Не согласна я с тем, что Вы вчера нам читали.

Не прав Островой, утверждая, что в мире нет плохих матерей (ей показалось, что поэт совершенно отрицал таковых). Когда вы читали, я плакала от обиды. У меня красивая мама. И очень жадная. Но это еще не самое главное. Вернее, может, потому, что жадная и все остальное в ней такое? С отцом живут ужасно. Он не называет ее по имени, все больше «ты!»»

Часто ссорятся до драки, а вечером могут в кино вместе пойти, как ни в чем не бывало. Понимаете — в кино! Мать говорит, что из-за меня с ним живет. Чтобы меня воспитать. И без конца посылает к соседям то за спичками, то программу передач попросить. Это чтоб я их Юрке приглянулась: «Пристраиваться надо, ты уже большая». А вы говорите...»

Тут, как мне кажется, комментарии излишни.

В моей почте много писем на эту тему — о попрании женского достоинства во имя сохранения семьи, отца для детей. Отца, который унижает мать до того, что дети перестают видеть в ней человека. Что он даст такой отец детям? Что даст вообще такая атмосфера семьи для воспитания девочек, чему их научит?

Ведь в них надо с детства воспитывать чувство собственного достоинства, чтоб в будущей своей женской судьбе они всегда (в беде ли, в радости) оставались сами собою. Все это придет, если у родителей с дочерью будет духовный контакт, особенно у матери с дочерью. Все это будет, если мать для дочери — идеал.

Прислушайтесь к восторгу детей по адресу своих мам, детей такого возраста, когда оценка дается не только чувством, но разумом.

Несколько строчек из сочинений старшеклассников:

«У меня красивая мама. И я люблю смотреть, когда она причесывается, надевает нарядное платье...»

«Моя мама в войну была разведчицей. Ее звали Птаха: до того была маленькая и худенькая...»

«Мама понимает меня всю, до самых пяток...»

И так — до бесконечности.

А вывод один: нужны нашим детям веселые, умные, смелые, гордые и все понимающие мамы. И мы должны быть такими. И чаще улыбаться навстречу их смеху, если даже хмуро на сердце. И становиться смелыми, если были трусихами. И быть полными достоинства, чтобы дочери видели материнскую голову всегда гордо поднятой и никогда — покорной и униженной. Дети не прощают нам этого. А если прощают — ломаются сами.

И ваша дочь на развязные похлопывания парня по плечу, не посмотрит строго, а улыбнется жалко. Потому что вы вчера улыбались унижению. Значит, такова жизнь...

А ведь жизнь не такова. Не должна быть такой. И когда наши дочери станут мамами, они, верно, поймут, что воспитание детей — трудная, но радостная доля независимо от того, кто твои дети — сыновья или дочери.

В каждом случае — свои трудности. А радость — всегда похожая: большая, как мир.

Не люблю я ходить на эти родительские собрания. Обязательно ухожу с них, обиженная до слез. Все недостатки, какие есть в моем Сережке, и учительница, и родительский комитет объясняют одним махом: «Яблоко от яблони...»

И смотрят на меня такими укоряющими глазами, что сквозь землю провалилась бы.

Неужели вы не встречались в своей практике с такими примерами, когда в хорошей семье неизвестно почему вырастают плохие дети? И, наоборот, в семье вроде бы и неблагополучной — дети умные и послушные?

И у меня семья хорошая.

Муж очень строгий, сын даже побаивается его, и я рада. Но все равно учится Сергей плохо, обманывает учителей, грубит и, как говорят, тянет класс назад. Ума не приложу, где искать причину, с чего начинать?

К. И. Петрова

Собрание шло бурно. Встретившись после летних каникул, соскучившись, ребята энергично проявляли свои эмоции: было весело и шумно. Может, даже чуть-чуть более шумно, чем положено.

Сидели все нарядные, в белых кофточках и рубашках, с алыми галстуками на груди — очень похожие в чем-то и в то же время очень разные. Выбирали актив класса: председателя совета отряда, звеньевых, хозорга, санитаров и т. д. Голосовали активно, не тая своих симпатий и антипатий.

— Я предлагаю выбрать звеньевой Тоню Пыльных, — сказала Катя Мохова, — она хорошо учится, любит музыку и... и вообще хорошая девочка!

Катя села.

На классной доске в списке кандидатов появилась новая фамилия — Пыльных.

— Кто за?

Поднятых рук не было.

— Кто за то, чтобы Тоня Пыльных стала звеньевой? — председатель даже шеей вытянул, приготовившись считать.

Поднялась одна рука — Катина.

Класс молчал.

Тоня залилась вишневым румянцем, глаза ее блеснули,

вот-вот брызнут слезы. Чтобы сгладить неловкость, учительница поспешно и неестественно бодро сказала:

— Ничего, в следующий раз выберем других. Мы ведь часто будем менять наш командный состав, чтобы все ребята научились и приказывать, и подчиняться.

Ребята опять зашумели, задвигались, заулыбались: никакой неловкости или вины перед Тоней они не испытывали.

— Что я просмотрела в этой девочке?

Наверное, надо было вызвать ребят на откровенность, чтобы они сразу высказали все свои «отчего» и «почему». Но... это было бы больно Тоне. Она совсем не была подготовлена к такому разговору.

А почему, собственно, человека надо готовить к этому? Может, правильно, чтоб он в любую минуту был готов услышать о себе правду? Горькую — тем более.

Эти вопросы неотступно вставали передо мной и не давали сосредоточиться на других заботах и тревогах, неминуемых в начале нового учебного года.

А сказали ребята многое. Правда, чуть позже.

— Она нечестная. Когда ездили в музей, она билет в трамвае не брала, а потом газировку пила!

— А помните, как Славка попросил ответ на контрольной по арифметике, а она сказала: «Шевели сам своими жиденькими мозгами!»

— Но, ребята, ведь в самом деле самому надо быть уверенным в правильности решения.

— Знаем — надо! Но зачем говорить, что у него мозги жиденькие? Она — что, видела их? Видела?!

— А когда, помните, в турпоходе все разошлись сучья на костер собирать, она ушла цветы рвать! Помните? Разве это честно?

Конечно, нет. Нечестно собирать цветы, когда все таскают хворост. И в трамвае билет надо брать. И товарищей следует уважать. Все это ясно. За исключением одного: откуда все это в Тоне — живой любознательной девочке?

Учитель идет к родителям, чтобы вместе подумать над случившемся. Они помогут ему выяснить и истоки и причины плохого в дочери, ибо только тогда станут ясны пути исправления недостатков. На вопрос, что делать, чтоб ребенок не лгал, А. С. Макаренко однажды ответил: «Положите себя под микроскоп». То есть всмотритесь в себя, в свои поступки, в те ошибки семейного воспитания, которые способствуют зарождению нехороших черт характера в личности ребенка.

Родители обижаются. И Тонины — обиделись тоже:

— Вы полагаете, что и мы зайцами в трамвае ездим?

Нет, конечно, я так не думаю. Ложь и зазнайство, нечестность и кичливость, развязность и бессердечие в детях рож-

даются не прямо от того, что лгут и развязны родители (хотя очень часто бывает и такая прямая связь).

Очень часто ребенок хвастлив не потому, что хвастлив отец, или не потому, что лжет мать, а потому, что родители в свое время просмотрели что-то важное в семейном воспитании, упустили из виду вроде бы не значащие мелочи, которые теперь-то и дают себя знать.

Просмотрели не намеренно (все мы хотим видеть своих детей людьми достойными!), просмотрели потому, что не так-то, оказывается, это просто — формирование нравственного мира ребенка.

Когда мы говорим об идеале современного молодого человека, то имеем в виду и его физическое здоровье, и духовное богатство, и то, что ему присущи самые хорошие черты человеческого «Я»: патриотизм, трудолюбие, принципиальность, доброта, бескорыстие и т. д.

При этом все мы понимаем, что рациональное питание, разумное чередование труда и отдыха и систематические занятия спортом почти гарантируют правильное физическое развитие наших детей. Здесь ясно почти все. Умственное развитие детей в системе осуществляет школа. А вот как воспитать сердце? Что нужно для его правильного питания и развития?

Оказывается, очень много: Целый мир и плюс... плюс... еще жизнь семьи. Очень весомый и значимый плюс.

Ибо через призму семьи и семейных отношений ребенок воспринимает и осмысливает весь остальной мир и строит свои отношения с ним:

...Наш санаторий расположен в лесу. Мягко и задумчиво шепчутся над головой сосны. Редко-редко пробежит по их макушкам ветер — и опять тишина. Лениво плещется река. Легко дышится. Обедаем вчетвером: трое взрослых и пятилетний Андрюшка. Вчера на концерте, с которым приходили пионеры из соседнего лагеря, он познакомился с девочкой Шурочкой — удивительно ясноглазым существом с прелестными ямочками на щеках. У нее задорная челка под синей пилоткой со звездочкой. Она-то и покорила нашего юного соседа.

Шурочка детдомовская. У нее никого нет, и, наверное, оттого она так потянулась к Андрейке, к его маме и папе. Пела, танцевала и все тревожно косила на них глазами: оно, конечно, хорошо в лагере, но с мамой — лучше.

Андрейка хлопал в ладоши отчаянно звонко и потом долго играл с девочкой. Когда же настало время прощаться (пионеров звал горн), он расплакался громко, навзрыд! И у Шурочки блестили на глазах слезинки.

Мама Андрейки, схватив их обоих в охапку, уговаривала: «Ну, перестаньте, перестаньте же! Завтра встретитесь. Мы пойдем к Шуре в лагерь — это ведь совсем рядом. Жди нас прямо с утра, девочка!»

И за ужином, проталкивая Андрейке в рот омлет и помидоры, говорила, растягивая слова, будто сказку рассказывала:

— Пойдем в магазин, купим шоколадку...

— С зайчиком? — Андрейка с восхищением смотрел на маму.

— С зайчиком, с зайчиком... И пойдем к девочке Шуре и подарим ей шоколадку — у нее ведь нет мамы...

— Две! Две подарим! Я свою отдам! Я их не... очень люблю, — Андрейка полон был самых добрых намерений и (согласитесь!) самых естественных чувств.

Назавтра с утра было солнце.

Все двинулись на речку. И Андрейка с мамой — тоже. Он сидел на желтом-желтом песке в белой своей панамке, пересыпал совком ракушки, песчинки.

— А разве вы не ходили в лагерь?

— Что вы! Такое утро! Да посмотрите — он забыл обо всем. — Знаете, детская память... — и Андрейкина мама беспечно махнула рукой.

Забыл? Или мы ему не напомнили? Мы, взрослые, не напомнили сейчас, в 5 лет. А в 15 удивимся — откуда такая черствость и такое равнодушие в отношении к окружающим людям, а нередко и к маме с папой?

Ах, это пресловутое, ложное убеждение, что дети мало понимают, плохо помнят. Много. И в детстве главный инструмент познания окружающего мира — чувства, которые необходимо растить, развивать, культивировать, если хотите. Причем чувства самые разнообразные — от умения радоваться до умения грустить и печалиться.

Итак, Андрейка не пошел навестить девочку (как обещал!) и не подарил ей шоколадку (как хотел!). Оказывается, можно было пойти, а можно и не пойти. Деревья шумят так же. И река так же лениво течет. И вообще обе шоколадки можно съесть самому... А заодно проглотить и родившееся в тебе вчера доброе чувство.

Ошибка родителей часто заключается в том, что многие из них резкой гранью разделяют большие задачи воспитания и маленькие мелочи ежедневного поведения детей. А между тем они теснейшим образом взаимосвязаны.

Разве мама Андрейки не желает видеть в своем взрослом сыне доброго, отзывчивого человека? Попробуйте сказать ей об этом — обидится. Но связать его будущий характер с сегодняшним душевным движением она не смогла. Не от отсутствия желания. Больше — от невнимания к «мелочам».

И еще оттого мы порою сталкиваемся с неприятными «сюрпризами» в характере детей, что не всегда думаем о средствах, с помощью которых добиваемся выполнения определенной, важной на данный момент задачи воспитания.

Отец Тони Пыльных (помните девочку, которую звеньевой неожиданно для нее и для классного руководителя так и не выбрали?) убежденно говорил: «Она растет трудолюбивой. Мы стараемся, чтобы любое поощрение она заслуживала. Вот, например, та же хорошая учеба. Поставили перед ней условие: кончишь обе школы хорошо — едешь в Артек; будет хоть одна тройка — едешь просто в пионерский лагерь. И смотрите, ведь она учится хорошо!»

Правда, девочка учится хорошо. Задача воспитания, важная для родителей на данном отрезке времени, — хорошая учеба — решена. Но какой ценой? Желания трудиться и испытывать радость от самого процесса познания — нет. Есть желание хорошей оценки как самой надежной платы за поездку в Артек. Отец продолжает: «Мы с матерью ей с 1-го класса внушаем, что плохо может учиться только человек, у которого от природы нет способностей — с того и спрос невелик!»

Но не потому ли Тоня так пренебрежительно бросает товарищу обидные слова о «жиденьких мозгах»? Не от этого ли родительского внушения?

Очевидно, было бы правильнее, если бы на еще невинное хвастовство дочки: «Я лучше всех в садике прочитала стихотворение!» слышались не столько похвала и восхищение (хотя и это обязательно: как важно уметь радоваться за успехи детей!), но и вопрос: «А кто лучше всех сегодня нарисовал? Быстрее пробежал?»

Очень важно заставить ребенка вовремя оглянуться вокруг себя и увидеть хорошее в своих товарищах, увидеть себя среди товарищей, а не на фоне их.

Итак, если вы видите, что что-то не клеится в воспитании, что-то настораживает в облике сына, что-то обижает вас — положите себя под микроскоп. Присмотритесь к себе — поступкам, словам, взглядам своим. Вы очень скоро увидите, где просчитались. Если, разумеется, будете беспощадно строги к себе.

Ребенок растет эгоистом не всегда, потому что эгоистична мама. Все может быть как раз наоборот. Именно потому он эгоистичен, что для мамы он цель и смысл жизни.

Дочь — зазнайка может вырасти и у самого скромного папашки. Скромного и трудолюбивого настолько, что он не заметил нескромности дочери в 7 лет и ужаснулся ей в 15...

Нравственное воспитание детей — самое трудное. И оно больше, чем какая-либо другая грань воспитания, зависит от умения нас, взрослых — учителей и родителей — анализировать свое влияние на ребят, свои ошибки и просчеты.

Это письмо пришло из Ленинграда, когда я готовилась к беседе «Глава семьи» (о роли отца в создании семьи и воспитании детей).

Писала молодая женщина:

«Так случилось, что муж оставил нас с сыном. Сын учится во 2-м классе; очень любит отца и привязан к нему. Отец приходит к нему раз в неделю на 30 минут (так мы договорились). Но окружающие меня люди, родственники, соседи советуют прекратить эти свидания, потому что Юрик после них встревожен, плачет без причины. Но в то же время он очень ждет отца, очень. Подскажите, как лучше сделать? Вы учительница, вы знаете педагогику и не раз встречались с подобными случаями. Жду».

В своей беседе по радио я решила коснуться и этого момента. И вот потоком пошли письма — в основном именно об этом самом «частном случае».

Писали оскорбленные в своих чувствах женщины-матери, гневные и не прощающие; писали обиженные отцы, бабушки, дедушки и даже сами дети.

«...Я хочу, очень хочу воспитать своего сына хорошим. Но у меня не получилось настоящей семьи, мы с мужем разошлись.

Когда он ушел, сыну было 5 лет, сейчас ему исполнилось 6. Отец, ранее бывший к нему совершенно равнодушным, теперь настойчиво посещает его, заявляя, что закон на его стороне. Я знаю, что он лицемерит, что это от уязвленного самолюбия (он оставил уже две семьи и двух сыновей!), а не от искренности отцовского чувства.

У ребенка развиваются нехорошие черты характера, так как отец его не желает придерживаться единых методов воспитания и делает все наоборот. Что делать? Почему закон на его стороне? Ведь он портит сына! А сын-то не виноват, что мать ошиблась в человеке! Как мне поступить, посоветуйте.

Аникина А. И.»

Для некоторых этот вопрос становится главным и мучительным в жизни. Требуют ответа: имеет ли право отец на воспитание детей, если он ушел из семьи? Права ли мать, запрещающая встречи с отцом? А та, что разрешает, — всегда ли поступает разумно?

Сказать в ответ на все эти вопросы резкое и категорическое «да» или «нет» невозможно, ибо в каждом отдельном случае за ним стоит очень нелегкая жизнь; не похожая на жизнь другой семьи, хотя, быть может, сходство внешних ситуаций очевидно: и в той, и в другой, и в третьей семье нег отца — ушел, оставил детей. Не дает однозначного ответа на эти вопросы наша педагогическая наука. И от этого не легче, а сложнее.

Ибо вопросы эти не праздные. И не дань любопытству. И требуют ответа и внимания.

Давайте присмотримся вместе. Несмотря на огромное количество очень разных людских судеб, которые стоят за мучительными этими вопросами, можно все-таки выделить две причины (основных) ухода отца из семьи.

Первая. Отец оставляет семью, детей потому, что он плохой человек. Потому что он эгоистичен и ему не светит в жизни ласковость детских глаз Или потому, что человек спился, опустился настолько, что ему безразлична стала не только судьба детей, но и своя собственная.

Письма детей, которые приходят в редакцию газет, журналов, просто незнакомому человеку — учительнице — невозможно читать без боли и тревоги. Они, эти письма — обвинения — уже ответ на вопрос, прозвучавший в начале: «Имеет ли право на воспитание...» Нет! Не имеет.

«Отец ушел от нас давно, уже 2 месяца. Почти все вещи забрал. Но мне жалко только телевизор. И еще круг резиновый. Зачем он ему — ведь он хорошо плавает! Он к нам приходит, зовет меня дочкой. А я не хочу.

Лучше пусть мама еще женится. Только не на папе!»

Письма можно было бы продолжить. Но надо ли?

Конечно, ни о каком участии в воспитании детей, ни о каком нравственном влиянии, ни о каком праве на это влияние, на общение с детьми в данном случае не может быть речи.

Эти отцы — прежде всего плохие люди. А плохих людей нельзя близко подпускать к детям, ибо они приносят только страх, разочарование, унижение.

Тут, кажется, ясная картина. Именно в таких случаях встает на защиту детей наше советское общество и государство.

Но с уходом из семьи такого отца решается только одна, пусть существенная, но только одна половина дела — от детей уходит страх.

И теперь слово за матерью. Какой она окажется в этой нелегкой ситуации? Если настоящей матерью и прежде всего матерью — решается и вторая половина дела: в семью вновь возвращается затоптанная, было, радость. И дети вырастают спокойными, чуткими, уравновешенными.

Бывает иначе. Это когда матери впадают в отчаяние от

своей неудавшейся личной судьбы и горько плачутся над «сиротством» детей. И непомерно жалеют их сами, и вызывают жалость у окружающих, а у самих детей воспитывают и лелеют представление об ущербности их судьбы, об исключительности ее, что зачастую приводит к появлению замкнутости, подавленности, отчужденности в характере ребенка.

Но настоящая женщина — прежде всего мать. И хотя ей очень трудно, она должна сохранить в себе женское достоинство, присутствие духа, гордость, наконец. Это не только во имя себя, своего внутреннего Я, но и во имя детей тоже.

Можно в ответ на просьбу сына склеить змея расплакаться: «Да не могу я, пойми! Что я мужчина? Вот был бы отец порядочный...»

И увидеть, как недетской обидой затуманятся мальчишечьи глаза и как отойдет он от ребят, подавленный и тихий.

А можно иначе. Можно ему, прибежавшему в ожидании чуда и в надежде, что чудо это совершит мама, улыбнуться ободряюще: «Давай попробуем!» И, отложив самые важные свои дела, заняться этим самым змеем, в котором для сына сейчас — самое весомое понятие счастья. А в другие дни пойти в туристский поход. И на футбольный матч. И научиться плавать кролем. Это не жертва. Это движет любовь материнским сердцем и руками. И, конечно, она не пройдет бесследно для детской души. Общительность, веселый нрав, жизнелюбие, физическое и душевное здоровье ваших детей — вот самая большая награда за эту любовь. И бесконечная благодарность силе материнского характера, подарившего их детству радость бытия.

В тех случаях, когда из семьи уходит недостойный человек, ребенок оказывается в руках матери. И тут все, по существу, зависит от нее.

Гораздо сложнее обстоит дело там, где отец ушел из семьи потому, что полюбил другую женщину. Он хороший человек. И неплохой отец. Но так случилось, что в жизнь его постучалось большое чувство. Поймите меня правильно. Я говорю не об отцах-мотыльках, порхающих совершенно бездумно с цветка на цветок. Нет, речь идет о настоящей, может быть, единственной в жизни любви. Тогда ведь вряд ли нужно оставаться в семье, ибо это повлечет за собою обязательную фальшь отношений между супругами, а это почувствуют дети. У них, и вы, наверняка это наблюдали, сверхчувствительная реакция на фальшь. Особенно, если это касается отношений матери и отца. Бывает, что и по другим причинам (ведь как сложны человеческие судьбы!) отцы расстаются с детьми. Сколько таких примеров исключительности жизненных обстоятельств можно привести, вспомнив одни только послевоенные годы.

Дело не в классификации причин. Мы ведь с вами усло-

вились, что будем сейчас говорить о тех случаях, когда от детей ушел хороший человек.

Некоторые мне сейчас возражат:

Хороший человек не может уйти, не позволит ему сердце.

Нет, бывает, что уходит.

И вы это знаете. И сердце разрешает... Хотя, быть может, и седеют от этого волосы.

Вот в этом случае, очевидно, будет правильнее, чтобы отец общался с детьми, помогал им не только материально, но оставался для них духовным наставником, участвовал в их воспитании. Детям это принесет только пользу. И чем взрослее они будут становиться, тем будут больше понимать отца, тем сильнее любить и ценить мать за ее благородство и душу большую, за ее умение быть Матерью.

В течение ряда лет я имею возможность наблюдать жизнь одной интересной семьи.

Отец — человек исключительной душевной цельности, прекрасный инженер. Он ушел от первой жены сразу после войны, оставив сына. В его новой семье растут двое мальчишек. Но детей у него трое, потому что первенец считает семью отца своей родной. Дело даже не в том, что отец постоянно, без всяких алиментов, помогает сыну, даже теперь, когда ему 21 год, и он заканчивает институт. Дело в том, что отец всегда ему оставался отцом в самом большом понимании этого слова — другом, советчиком, строгим судьей, самым близким человеком. Костей гордится не только отец, но и его младшие братья. Он часто бывает у отца на каникулах, ездит вместе с ним к морю и регулярно переписывается. Стало просто потребностью, жизненной необходимостью делиться с отцом, советоваться с ним.

Недавно в разговоре со мной Костя сказал: «Вы знаете, в детстве я думал, что хоть он и хорошо ко мне относится и я его люблю, но не прощу никогда. А в 15 лет понял, что прощать совсем нечего. Его просто надо любить и уважать. И мама так считает», — добавил он гордо.

Такие отношения даются нелегко: они предполагают обоюдное благородство всех членов семьи. В них не может быть места плохим разговорам о матери, с которой сын живет: она его мама.

В них не может быть места необъективной оценке поступков отца, который с семьей не живет.

Тогда не происходит трагедии.

Ушла любовь. Но люди, хорошие люди, остались. И вырастают у них сыновья и дочери, понимающие, что человеческие отношения очень сложны, но управляет ими все-таки сам человек.

Труднее всех здесь опять-таки матери. Потому, что нет

забвения. Потому, что любимый (все еще любимый) человек и рядом, и в то же время очень далеко. И щемит сердце, и просит счастья. Нападает приступами тоска, и встает у горла невысказанная обида. И рождаются гневные, несправедливые слова по отношению к нему, ушедшему к другой. Не бросайте эти слова в пустоту: она кажущаяся. Рядом с вашим разгневанным сердцем стучит неровными толчками сердце сына.

И, конечно, во имя детей, во имя их душевного равновесия стоит поступиться счастьем собственным.

В противном случае мы теряем духовную близость с детьми, их уважение. Это жестоко, но неизбежно: «Человек за все платит сам» (М. Горький).

Среди озорных физиономий моих семиклассников лицо этого мальчика останавливало внимание сразу — недетской серьезностью выражения и грустью, спрятавшейся за светлыми пушистыми ресницами. Это не была мимолетная, легко набегающая и так же легко проходящая грусть юности. Кажалось, она поселилась в его глазах давно и надолго.

Учился он ровно, хорошо. Удивительно слушал «Мцыри». Писал грамотно. Помогал оформлять классную газету. Был подтянут и аккуратен.

А вот сердце ныло неясным беспокойством за него, несмотря на все это внешнее благополучие.

За годы общения с детьми в учителе вырабатывается безошибочное, почти инстинктивное чутье на счастливых детей. Наверное оттого, что их очень много у нас.

Но нет-нет да и вздрогнет сердце тревогой за тех, кто даже в очень веселые минуты жизни класса, на какой-то особенно шумной перемене, отвернется к окну и посмотрит туда, в только ему видимую даль, взрослым, все понимающим взглядом. Или задумается на уроке так трудно и напряженно, что духу не хватает сделать замечание, и ты терпеливо повторяешь ему свой вопрос.

Дима был, видимо, из таких — не слишком счастливых детей.

Сначала пришла его мама — полная, крепкая, загорелая женщина. Спросила об успеваемости сына, горделиво выслушала похвалу.

— А как он ведет себя?

— Отлично. Очень воспитанный, выдержанный мальчик.

— Воспитанный! Совсем вы его не знаете, измучилась я с ним!

В школьной учительской более типичен диалог другого плана: учитель говорит, что ученик плохо ведет себя, а мама изо всех сил старается представить ангелом во плоти и удивляется метаморфозам его поведения в школе.

Тут все было наоборот.

— Он к вам плохо относится?

— Если бы!

— А что же вас тревожит?

— Да он никак не относится.

— ? !

— Весь в проклятого своего отца пошел! Тот убивал меня своим молчанием и этот!

Всю жизнь отдаю ему, всю жизнь — в ее голосе слышались слезы, — а он, как идол деревянный...

И, смахнув слезы, наклонилась к моему лицу:

— Поговорите с ним, прошу вас. Он обязан по-другому относиться ко мне!

А потом было письмо. От Димы.

Два дня спустя после разговора с матерью, войдя в учительскую с урока, где я только что поставила ему «пять» за толковый разбор предложения, обнаружила на своем столе письмо, объемное, плотное, со школьным адресом на конверте.

«Не удивляйтесь, пожалуйста. Я не могу обо всем этом сказать. Вчера, когда мы выпускали газету, вы говорили, что человек, не уважающий свою мать, плохой человек. Это, наверное, вы для меня сказали. Мать была и нажаловалась. Может, я и плохой, но по другим причинам, а не потому, что мать не уважаю. Да, я ее не уважаю, хотя и люблю как-то...»

Письмо было длинным, целая тетрадь почти. И вставала со страниц его очень невеселая и не очень редкая история.

...Мать разошлась с отцом, когда Диме было пять лет. Отец женился на другой женщине. Чтобы отомстить бывшему мужу за обиду и боль, ей причиненные, мать запретила сыну разговаривать с отцом, когда тот приходил в садик. Он приносил сыну игрушки, но мать запрещала их брать и устраивала такие скандалы, что звенело в ушах.

Отец уходил, оставляя игрушки в шкафчике, а она, успокоившись, забирала их домой: они стоили денег. Это почему-то особенно запомнилось и было противно.

По словам матери, все пороки человеческого рода были присущи отцу Димки. Сын не верил ей просто из духа противоречия: сам он не успел разобраться, каков же он — его отец. Помнил только шершавые ладони отцовских рук и редкую улыбку.

Чтобы избежать крика матери, ее истерик, он, и когда подрос, не искал встречи с отцом. А мать перестал уважать: слишком неприглядна и унизительна была она в своем горе, слишком не хватало ей гордой сдержанности в ее одиночестве. Отношения с матерью не налаживались. Сын все больше понимал отца.

А год спустя, он зашел ко мне сияющий, говорил о каких-то пустяках и вдруг тихо и очень счастливо сказал:

— Знаете, я видел папу. Был у него.

— Как?

— Да так, был. Мы поедem с ним ловить рыбу на Битюг.

— А мама?

Я скажу ей, что в туристический поход с ночевкой.

— Лгать будешь?

— Не хочу ее волновать. Она не поймет этого...

Сколько надо было пережить мальчику, чтоб прийти к такому беспощадному выводу: мама не поймет, как хорошо ему с отцом.

Как часто родители, разорвавшие узы брака, эгоистически решают вопрос о детях.

— Я сделаю ему больно, пусть никогда не увидит детей!

— Я ей докажу, я дам ей почувствовать, как трудно одной воспитывать...

А главное-то совсем не в том — как сделать большее друг другу. Главное сделать так, чтоб при всех ошибках взрослых меньше страдали дети, чтоб от распада семьи на детскую психику ложились минимальные испытания из всех возможных.

И совсем не следует детям запрещать любить отца только потому, что он уходит в другую семью. Ведь дело, собственно, не в этом. Дело в том, входит ли отец в душу сына, в его радости и огорчения.

Бесспорно, хорошо, когда они вместе просыпаются по утрам и вместе делают зарядку, и вместе завтракают и вместе любовно подшучивают над мамой...

А ведь часто бывает иначе. И рядом отец вроде — и нет его. Полнейшее равнодушие. Хотя внешне все обстоит благополучно. Поэтому, наверное, важнее вопрос, каков отец, а не где он? Если он честный, достойный человек и тянется к детям, он имеет право, моральное право на их воспитание.

Может, сначала это его участие в воспитании будет не слишком результативным и ровным (сложности тут со счета не сбросишь!), но с годами дети станут понимать его все больше. Тут важно только матери оказаться на высоте интересов детей, а не на уровне своих женских обид.

И, наконец, последняя и, видимо, самая сложная ситуация. Это когда в жизнь семьи, из которой ушел отец, входит отчим. Как быть тогда? Видимо, здесь все зависит от отчима, от его человеческих качеств, от его искренней привязанности и любви к детям.

Если все это есть, дети сами признают его права и навсегда будут считать самым родным человеком.

Многие из вас, наверное, видели и запомнили очень серьезный и поэтический фильм на эту тему. Он называется «Родная кровь».

Помните, живет на берегу реки, в небольшом домике, и

работает паромщицей молодая женщина из эвакуированных. У нее очень грустные глаза и застенчивая, как у девочки, улыбка. Отец детей, по существу, забыл. А потом приходит в жизнь этой семьи солдат, вернувшийся с фронта. И становится отцом чужим детям. Настоящим отцом.

Умирает мать. Прослышав об этом, возвращается к детям лысеющий, самодевольный человек, их отец, и ведет разговор со старшим сыном. Разговор о том, что кровь-де родная у них, что они должны вернуться к отцу.

А сын все смотрит на отца, и удивление в его глазах сменяется брезгливым выражением: нет, такой человек не может быть его отцом! Несмотря ни на какую родную кровь...

Но и здесь, в ситуации, что мы рассматриваем, могут быть свои варианты и отклонения.

Например, дети живут с отчимом, а родной отец, человек, глубоко порядочный, переживает разлуку с детьми, тянется к ним. Но и в этом случае может быть только один критерий в поведении отца: поступать так, как лучше детям. Если они привязаны к отчиму, любимы им, надо спрятать в себе страдание свое и обиду, и тягу к детям. И это тоже будет проявлением любви к ним. Может быть, высшее проявление отцовской любви — сделать так, чтоб не травмировать детскую психику. Это и справедливо будет: если чужой человек полюбил твоих детей, воспитывает их, сидит по ночам у их постели, чуть не через полчаса измеряя температуру, переживает их радости и неудачи, как свои собственные, то почему он должен делить их привязанность даже с родным отцом — пусть он и трижды хороший человек? Он сам решал свою судьбу: только во имя детей жить в семье не смог. Ушел. И за это тоже должна быть моральная расплата...

Нельзя (конечно же!) в сложном этом деле дать рецепты точные, как аптекарские весы. Но в одном я уверена твердо: в семьях, где родители не живут вместе, но имеют общих детей, вся ответственность за последствия, вытекающие из разрыва, должна ложиться на их взрослые плечи, а не падать тяжелой горечью разочарования и боли на детское сердце.

Ребенок, пока он ребенок, не может быть счастлив отдельно от нас, взрослых.

Ему нужна для счастья наша верность, наше тепло, наше внимание и наше умение в трудные минуты личной судьбы поступиться своими эгоистическими интересами, обидами во имя его душевного равновесия и здоровья, во имя настоящей будущей веры его в добро и справедливость на земле.

Сегодня мы слышали по радио беседу об эстетическом воспитании детей. Делилась опытом работы воспитательница одного из ленинградских интернатов. Интересно она рассказала о посещении театра, о знакомстве с живописью.

И такая обида взяла! Ведь это в Ленинграде. Там шаг сделаешь — и невольно воспитываешься одной красотой улиц. А что вот прикажете делать нам, если мы живем в простом рабочем поселке, и наши дети ни одного музея воочию не видели. И театра своего нет. Да и знаний у нас маловато, мы кончили химический техникум. Наверно, и опыта не хватает, мамы мы все молодые. Как-то больше обращаешь внимание на то, чтобы дети учились хорошо, трудолюбивыми были. Одного добьешься — другое упустишь. А как все совместить? И что важнее всего?

По поручению работников цеха.

Антонова С. И.

Они опоздали на урок на целых 10 минут — все мальчишки. Стояли в дверях класса в куртках нараспашку, в высоких сапогах, каких никогда не носили в школу. Попросили разрешения сесть и объяснить причину опоздания после урока.

Когда прозвенел звонок, поднялся Генка. Я приготовилась выслушать и объяснение, и извинение. А он сказал: «Разрешите сначала поздравить Вас с наступающим праздником 8 Марта и пожелать...» и подал букетик подснежников.

Так тепло и так необычно синели они здесь, в классе, на парте у каждой девочки. А за окном еще висели сосульки и во всю тянуло жаром от парового отопления. И вообще у нас была еще зима, а они шагнули прямо из весны.

Наверное, ребята собирали их в глубоких лощинах, где нет ветра. Или на проталинках, уже пригретых солнцем. Но они были самой весной — эти синие-синие подснежники.

Это было в 10-м классе. Через несколько месяцев мы растались. А в 6-м они подарили мне нестерпимо алые бумажные розы, туго стянутые атласной лентой. Вошла вот однажды в класс, а на столе пламенел этот букет. И в глазах ребят стояло такое ожидание моей радости, такое ожидание, что я не посмела не улыбнуться навстречу ему. Наверное, это была улыбка жалости: ведь они были уверены, что это красиво,

Надо ли заниматься эстетическим воспитанием детей со всей серьезностью и ответственностью, какие налагает на нас время? Безусловно. Иначе не может быть речи о всесторонне развитой гармонической личности будущего. С этим согласны все. Но когда заходит разговор об эстетическом воспитании даже в больших аудиториях, мы много говорим о лекториях, университетах культуры, кружках, о постановке преподавания пения и физкультуры в школе и т. д.

Все это, разумеется, важно. Но при этом мы забываем об одном из самых главных воспитателей прекрасного в человеке — о семье.

Говоря об эстетическом воспитании в семье, давайте условимся иметь в виду два момента:

речь пойдет о семье, в которой родители обращают внимание на воспитание своего художественного вкуса;

между членами семьи налицо и постоянны хорошие, уважительные отношения.

Если нет этого — главного — никак не удастся в семье воспитать у ребенка чувство прекрасного, пусть даже в доме полно книг, а на пианино гора нот. Ибо первое, самое яркое ощущение прекрасного — это радость общения с человеком, а ее в такой семье, разумеется, явно будет не доставать.

А при выполнении этих двух условий надо совсем немного усилий, чтобы прекрасное вошло в жизнь наших детей. Но путь к нему — длиною в целую жизнь. Только не упустите время: первые впечатления самые живучие. Важно не выискивать прекрасное только в картинных галереях или у памятников старины. Помните, у Чернышевского: «Прекрасное есть жизнь». Надо только научить детей видеть это прекрасное. Ведь именно тогда к человеку приходит ощущение счастья.

Вы покупаете детям игрушку, вешаете коврик над их кроваткой, поете колыбельную, улыбаетесь им — и уже таким образом воспитываете чувство прекрасного.

Да, да, с первыми зрительными и слуховыми ощущениями ребенок получает и уносит в свою будущую жизнь нежность материнского голоса, солнечный зайчик, улыбку человеческого лица.

А потом подрастают наши дети. Глубже всматриваются в окружающий мир. Помогите им среди хаоса ежедневно обрушивающихся впечатлений выбрать и вобрать в себя красоту.

И прежде всего красоту большой нашей Родины, ее просторы, ее природы, ее щедрости.

...Вы идете с детьми на прогулку. Однажды выберите утром пораньше, когда город умыт и чуть-чуть пустынен его улицы... Покажите детям, как он хорош, ваш город. Покажите, как просторны его улицы, как красивы и тенисты парки, как ярки цветы на зелени травы, Если ваш городок

невелик, наверное удивительны его окрестности. Очень надо, товарищи родители, чтобы дети наши любили города и села своего детства: с этого начинается Родина, с этого начинается любовь к ней.

Как-то мы совершили с пятиклассниками автобусную экскурсию по городу. Надо было видеть их изумление, их интерес к рассказу экскурсовода, чтобы убедиться, как они мало знают и как много хотят знать о городе, в котором живут. Они никогда не бывали в живописнейшем уголке Воронежа — СХИ, а там интересный музей Ани Скоробогатко; они, потрясенные, стояли у памятника защитникам Воронежа на Задонском шоссе, вздрогнули от мужественного леви-тановского голоса, прочитавшего кусок из «Реквиема» Р. Рождественского. Они заново увидели проспект Революции, его дома, памятник Петру I. А каким восхищением светились глаза ребят в домике-музее И. С. Никитина!

Это очень важно и очень нужно, товарищи родители, взять сына за руку, пройти по улицам родного города или села, мимо рябин, рдеющих на солнце, и вместе посмотреть закат над рекой и помолчать у памятника. От этого умнеют и добреют наши дети.

Неиссякаемый источник прекрасных впечатлений — природа. Прошлой осенью, в сентябре, мы с ребятами — пятиклассниками возвращались со станции Шуберское, полные впечатлений и приятной усталости.

Уже вечерело, и город встретил нас привычным шумом и запахами асфальта и бензина. Наверное, еще и поэтому в нас так долго-долго жило воспоминание о золотом осеннем уборе шуберских берез, о высоком, пронзительно синем небе с тонкими белыми паутинками, а вкус печеной картошки преследовал нас всю неделю. Восторгам не было конца.

Даже самые вихрастые и отчаянные сорванцы-пятиклассники затихли, входя в березовую рощу. Красота белоствольных берез остановила их в немом изумлении.

Потом, позже, они бегали, шумели, пекли картошку, играли в футбол, но главное, самое главное, осталось в них навсегда. Это была красота. Это была тишина.

Мы, учителя, считаем, что очень важно подарить детям эти мгновения. А учителя-словесники еще добавляют: и научить их выразить свои впечатления об увиденном и прочувствованном не только в форме немого восторга.

И поэтому день-два спустя на мой учительский стол ложился восторженный строчки ребячьих сочинений «Осенний день в Шуберском». Разные глаза у моих ребятешек: синие, черные, серые. Есть умные и веселые, есть грустные и есть дерзкие. И разное они заметили в осеннем лесу:

...Вот семейка молоденьких берез принарядилась на пригорке.

...Только сосны не сменили наряда и кажутся мрачными.

...Когда мы вошли в березовую рощу, мы попали в плен желтого, красного, синего цвета.

...Воздух здесь прозрачен, как стекло, и душист, и пахнет хвоей, травой и осенью.

И совсем категорическое:

...Самая красивая осень — в Шуберском.

С сожалением заканчиваю проверку тетрадей. Представьте себе и такое: у нас, словесников, бывает радость, с которой не хочется расставаться: это когда читаешь творческие работы своих учеников. Неважно при этом, чьи работы — выпускников или только пятиклассников. Их объединяет одна черта — искорка самостоятельности, попытка самовыражения и даже самоутверждения, если хотите.

А что сказали о выходном дне те 20 из 80, что не поехали в лес? Я дала им тему: «Как я провел выходной день».

Открываю первую, вторую, третью... двадцатую работу. Что за наваждение? Куда исчезли наблюдательность ребят, их искренность? Их эмоции?

Из работы в работу подчеркиваю: «Я встал и поел. А потом пошел на улицу. А потом пришел домой, взял деньги и пошел в кино. Вечером смотрел телевизор (так и пишут!), потом еще бегал на улице и лег спать».

Из сочинений исчезли эпитеты, сравнения, восклицательные знаки. Взамен пришли скучные, однообразные, констатирующие глаголы: встал, поел, пришел, ушел...

Разумеется, это вовсе не говорит о том, что ребенок, оставшийся на воскресенье в городе, лишен эстетических впечатлений. Дело здесь в другом — в нас, взрослых, которые не помогают детям организовать день так, чтоб он приносил пищу ребячьему воображению. Ведь и в экскурсиях за город можно увидеть и такое. Едут 2—3 семьи за город с сумками провизии, с бутылками, в которых далеко не всегда кефир. Приезжают. Достают провизию и приложение. Обедают. Играют в карты.купаются. Загорают. Потом уезжают.

А лес остается — молчаливый, притихший огромный лес. В нем о чем-то шепчутся дубы, бродят по листьям солнечные блики и щебечут птицы. Остался лес. И облака над ним. Остались не увиденные ребячьим глазом. А мама не помогла, потому что, заботясь о детском желудке, забыла, что нужна пища и детскому воображению.

Мы должны воспитывать в детях активную любовь к природе, приучать их не только любоваться цветами, но растить и оберегать их. В некоторых семьях получается наоборот: заботясь о чистоте квартиры с гарнитурной мебелью, родители изгоняют из нее все живое, кроме цветов (да и то если они в вазе красивой). И мечтают дети о кошке в доме, как о великом чуде,

От общения с природой не только здороваются, но хорошеют наши дети внутренне. Ушинский однажды заметил:

«Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое громадное воспитательское влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагогики».

С этим трудно не согласиться.

Громадна также и роль искусства в воспитании чувства прекрасного у наших детей. Говорить о пользе чтения книг или посещения театра и кино — все равно что ломиться в давно открытую дверь. Поэтому я ограничусь только некоторыми рекомендациями родителям.

Искусство театра, кино — это прекрасное в нашей жизни. Встреча с прекрасным должна быть праздником для ребят. А потому плохо, если эта встреча чуть не ежедневна в наш век кино, радио, телевидения. И праздники превращаются в будни. И наступает пресыщение впечатлениями — самый опасный вид пресыщения.

А потому вряд ли целесообразно чаще, чем один раз в неделю, посещение театра и кино. Как можно требовательнее следует подходить к отбору передач по телевидению, иначе ежевечернее бдение у экрана совершенно разлучает ребят с газетой и книжкой, — на них просто не остается времени.

Воспитание чувства прекрасного у детей связано с искусством живописи и музыки. Как-то попалась мне книжка с очень ярким названием «Помогите смешным рисункам!» Ее написала учительница рисования и журналист Ариадна Жукова. Есть в этой интересной книжке одна такая глава «Родители по моему заказу».

Если бы учителя рисования выбирали родителей для своих учеников, она бы (учительница рисования) поступила очень просто: взяла бы им в папы и мамы только художников. Ибо ничто так не учит владеть кистью и понимать живопись, как непосредственное наблюдение за тайной мастерства. Стояли бы дочки и сыночки у пап за мольбертами и воспитывались эстетически. Но это ведь по заказу родители...

А в жизни, в обыкновенной нашей жизни, большинство пап и мам рисовали только в детстве, да и то всего-навсего домик с крышей и трубой, из которой валит дым, и, конечно же, с заборчиком. В лучшем случае — кошку или зайчика. Но все это совершенно не снимает с повестки дня вопрос о роли и месте живописи в развитии духовного мира нашей детворы.

Начинать, очевидно, надо с самого простого: научить всматриваться в картинки, иллюстрации к первым книжкам. Позже постепенно можно переходить к чтению картин больших художников, а это, конечно, труднее, чем научить читать

книги. При чтении картины мы должны обратить внимание не только на ее содержание (это дети любят больше всего и сравнительно легко справляются с пониманием содержания), но на идею, композицию, жанр, особенности колорита и т. д.

Только постепенно пробуждая интерес к живописи, надо осторожно и бережно вводить детей в этот прекрасный и тревожный мир.

Одна мама моей ученицы решила не размениваться на такие «мелочи», как рассматривание «картинок с открытки» (она так и говорила!) и повезла свою 12-летнюю дочь прямо в Третьяковку. А потом возмущалась:

«Целых три часа ходили по музею, а она только и делала, что пить просила. Ничего не запомнила, совсем ничего!».

И гнев, и горе ее были настолько искренни, что на упрек нехватило духу.

Не спешите с детьми в прославленные музеи, товарищи родители! Подготовьте их сначала к этому посещению, прочитайте вместе с ними книги о художниках, займитесь коллекционированием открыток в любой, удобной для вас, системе, приучите детей к умению внимательно всматриваться в картину, понимать ее настроение. Пусть подрастут и поумнеют дети. Пусть поднакопят знаний для восприятия огромного богатства человеческой культуры в этой области. И вот тогда-то и подарите им праздник — посещение Третьяковки или Эрмитажа, поездку в Кижь или в Ясную Поляну.

Не спешите увидеть все за три часа. Не сердитесь, если сын отошел равнодушно от картины большого художника и вдруг остановился у не приметного эскиза. И вновь вернулся к нему. Что-то, видно, открыл его сердцу. Этот неброский эскиз и заставил задуматься, а это главное. Потому что пробудившийся интерес толкнет к книгам — самому колоссальному и надежному источнику знаний.

Роль книги в эстетическом воспитании детей трудно переоценить, ибо она входит в духовный мир детей с колыбели и становится другом на всю жизнь. Если, разумеется, дети любят чтение. Хочется остановить внимание родителей на этом вот «если любят».

Наверное, каждый из вас наблюдал, как ослабевают интерес к чтению в тот момент, когда ребенок научится сам читать. Да, да, именно в тот момент, как это ни парадоксально звучит. Главная причина тут в технике чтения — на составление слогов из букв и слов из слогов уходит все внимание читающего, и от чтения ребенок не получает никакого удовольствия. В этот момент очень важно любыми средствами поддерживать интерес к содержанию книги, помочь преодолеть барьер трудности, и дело пойдет лучше.

Правда, в учительской нашей практике встречаются такие случаи, когда и ученики старших классов не любят читать.

Да, как правило, и не умеют читать хорошо, выразительно. Чаще всего это те самые ученики, которые не преодолели барьер трудности в 1-х и 3-х классах. В жизни других старшеклассников книжка не становится другом, потому что не выработана потребность в чтении ежедневная, ежечасная. Чаще всего у них и мама, и папа тоже не великие охотники до чтения, хотя отлично понимают важность и необходимость его.

Беседую недавно с отцом восьмиклассника об успеваемости сына, о небрежном выполнении домашних работ и т. д.

Отец согласно кивает головой: «Да, да, это за ним есть! Но я Вас прошу, вы привейте ему любовь к чтению, ведь он ничего не читает, негодник!» — в голосе отца возмущение и недовольство. И в мой адрес тоже.

А ведь я знаю его сына всего только полгода. И пока вог ничего не могу сделать, потому что много лет подряд, целый десяток лет, в семье мальчика нет разговоров о книгах, нет элементарного — полки с книгами, разве только слышны ежедневные окрики и угрозы:

«Садись читать, а то гулять не пойдешь!»

Заставить читать, конечно, можно. Одну, две, пять, десять... книг, наконец! А ведь требуется другое — научить любить книгу. Брать ее в руки с трепетом и ожиданием, а не под угрозой страха и наказания. Брать ее в будни и в праздники, утром и вечером. И тогда появится в руках у наших ребят золотой ключик, тот самый, который открывает дверь в сокровищницу человеческого разума.

И последнее. Очень важно, чтобы книжка, побывавшая в руках вашей дочери или сына, не ставилась молча на книжную полку. Поговорите с ними о прочитанном. Что узнал нового? С чем не согласен в книге? Что особенно запомнилось?

Иногда это будет целый восторженный рассказ о книге, иногда — просто лаконичное замечание, порою, быть может, совсем неверное толкование и понимание книги — суть не в этом. Главное в этих разговорах о прочитанном — воспитывается художественный вкус, вырабатывается самостоятельность суждений, а значит — формируется мировоззрение.

Не хлебом единым жив человек. Нет, не хлебом единым. Ему еще очень нужны книги, цветы, картины, музыка; ему нужны лес, поле, высокое небо, ему нужны грозы и ливни, и тишина — нужен огромный мир, прекрасный мир!

Путь человека в этот мир начинается в семье, потому что ощущение красоты рождается в человеке, когда он делает свои первые шаги. И даже чуть раньше.

И от нас зависит, окажется ли этот путь интересным и умным. И длинным, как жизнь. Или потеряется и не оставит следа.

В беседах по Всесоюзному радио из цикла «Как помочь детям учиться» были затронуты мною вопросы по организации внеклассного чтения, даны некоторые практические рекомендации (как ликвидировать безграмотность письма, как научить детей решать задачи, проверять ли устные уроки и как проверять и т. д.).

В ответ на эти передачи пришло громадное количество писем. Если бы их грубо проклассифицировать, то образовалось бы только две солидных пачки. Беды в них разные, почти полярно противоположные, а в конце — один вопрос: «Что делать?» Он-то их объединяет. Объединяет не случайно, ибо, на мой взгляд, первопричина этих бед одна.

Но сначала разрешите обратить ваше внимание на два отрывка из двух разных писем:

Пишет мать из Липецка:

«...Наверное, ничего теперь сделать нельзя. Сын уже в 8-м классе. Учится еле-еле на 3. Отец ругает его каждый день, а он молчит. У него нет никаких способностей».

Заметьте: ни в этом кусочке письма, ни во всех остальных его строчках нет ни слова о том, а какой он, этот мальчик? Добрый? Застенчивый? Резкий? Какой он?

Пишет отец из Донецка:

«Все годы мы не знали беды. Приходили в школу — только похвалы выслушивали. В этом году наша дочь кончает 10 классов. Мы уверены, что у нее будут хорошие оценки. Но у нее нет призвания, нет и особой любви к какому-то предмету.

Вдруг у нее вся жизнь будет нелюбимая работа? Что делать?»

И опять — ни слова о том, а какая она, эта девочка? Замкнутая или общительная? Гордая? Завистливая?

И это не случайность, к сожалению. Пошел ребенок в школу — мерилом его положительных качеств, мерилом его личности (особенно со стороны родителей) часто становится пятибалльная система школьных оценок.

«Мой сын — отличник» — этим сказано все. Само собой разумеется, что он хороший парень.

«Нина учится на тройки» — значит, она сама посредственность и за ней никаких достоинств не водится... И рядом с нею всегда родительское отчаяние.

Давайте поговорим об этом: должна ли нас абсолютно успокаивать отличная успеваемость сына и так уже безнадёжно огорчать посредственные оценки дочери?

...Этой усталой седой женщине было совсем плохо. Особенно по ночам. И тогда она часто повторяла имя дочери — ласковое и редкое — Дашенька...

Ее любили обитатели нашей палаты и однажды на своем — не докторском — человеческом консилиуме решили: если могут матери силой своей любви поставить на ноги, вылечить больных детей, то, наверное, и дочери могут вырвать мать из рук смерти. Иначе где же логика? И справедливость?

Наутро, после особенно тяжелого ночного приступа, мы решили послать телеграмму дочери: «Выезжайте немедленно, маме плохо».

А на другой день все ждали: сейчас раскроется дверь и войдет ласковая красивая женщина с редким именем — Дашенька, возьмет мать за руку, и материнскому сердцу станет легче.

Нет, не вошла. В ответ пришло несколько слов — сухих и спокойных:

«Не могу выехать, защищаюсь, буду через три дня».

Всем стало стыдно, неловко...

А когда врачи вернули все-таки к жизни старое изношенное сердце Анны Петровны, она повеселела и опять подолгу рассказывала нам о дочке.

Рассказывала гордо, восторженно. Как росла ее девочка, развивая не по годам. Наверное, это тешило родительское тщеславие. Дома отец ей собрал такую библиотеку, которой завидовали все учителя-математики их небольшого городка. Из нее воспитывали будущее светило — не меньше. Воспитывали не без оснований: девочка действительно была способной. Жила и училась она по строгому расписанию: завтрак, две-три задачи повышенной трудности (отец называл их утренней зарядкой для ума), уроки, школа, вечером чтение.

«Никогда у нее минутки не пропадало, бывало, подходила ее очередь мыть полы в классе, она быстро делала свою работу и уходила, не болтала попусту с девчонками», — говорила Анна Петровна.

А мы слушали и вспоминали свои школьные годы: как можно уйти из класса, где парты стоят набоку, где смех и веселье, где рождаются самые-самые девчоночьи тайны?

Наверное, их дочка так была загружена, что не успевала быть доброй. И быть веселой. И даже быть любящей в ответ на то, что была любимой.

Мать рассказывала о ней с гордостью, она ведь многого не знала. Может быть, даже главного.

Я поделилась с вами впечатлениями о встрече со стан-

дартным типом черствого человека. А между тем она — живое лицо. Дело, видимо, в том, что люди такого рода очень похожи друг на друга. И потом это как раз тот банальный случай, когда за оценками не увидели живой души человека, когда пятерка стала самоцелью.

Поймите меня правильно, товарищи родители. Я — за отличников. Я знаю сотни примеров, когда в детях по-доброму уживаются отличная учеба и нежность к матери, способность к физике и душевная щедрость.

Так бывает, когда родители и школа разумны в своих требованиях, развивая ум и сердце ребенка.

Когда оно, это развитие, гармонично. Сегодня я не буду говорить об этих благополучных случаях. Я — о другом. Которое тоже, кстати, нередко.

Родители отличников, пожалуйста, будьте внимательны. Не просмотрите в детях рождения эгоизма, пустого тщеславия, чванства. Гордитесь, что сын учится на «5». Но не той гордостью, что царит за праздничным столом в вашем доме, когда сын в центре внимания сидит рядом с отцом, и отец, довольное поглаживая сына, докладывает гостям:

«О, он по физике трех учителей за пояс заткнет! Голова! А какие я ему задачки из Москвы вчера привез — покажи, сынок!»

С этого начинается плохое...

Если в табеле вашей девочки одни пятерки, придите в школу не на собрание, где вас только хвалят вот уже столько лет подряд! Просто к учителям придите и поговорите. Спросите, что сделала ваша дочка для оформления вечера, ведь она хорошо рисует. А как работала на воскреснике? А почему не поехала вместе со всеми на воскресную прогулку? А почему так и лежит дома написанная в стенгазету записка?

У наблюдательных родителей сто таких «почему», обращенных к учителю.

Вы мне возразите: обо всем этом можно спросить у дочери самой. Верно. Можно. Но я сейчас о другом — о необходимости иной раз взглянуть на свое дитя глазами его друзей, его учителей. А не его собственными и не вашими глазами, которые подчас (что греха таить) слепы, когда нужно разглядеть милое, родное лицо, в котором видится только хорошее...

У вашего сына по всем предметам «5»? А кто из учителей считает его своей гордостью? Математик? Химик? Кто-то должен считать обязательно. Не обольщайтесь ровным отношением ко всем предметам. Эта ровность в старших классах — сигнал беды. Беды, которая на пороге школы может обернуться несчастьем, а в жизни — трагедией ненайденного призвания.

Встречаю на летних каникулах знакомую девочку, она хорошо окончила школу. Спрашиваю:

— Куда подала заявление?

— А еще куда!

— Как? Ведь через пять дней вступительные.

— Не знаю, куда подавать. Ничего особенно не привлекает.

— Но ты же училась на «5»!

— Может, потому и не привлекает!

Есть у нее отличные оценки в аттестате, а увлеченности нет. Нет самого главного — души в этих знаниях.

Хотя, признаться, настораживает и целеустремленность такого рода, когда все, буквально все подчинено одной цели — поступить в Политехнический.

Собираемся с десятиклассниками на вечер молодежной нашей областной газеты, которую любим и читаем. Все возбуждены и рады совместной прогулке по городу и совместно проведенному вечеру. В классе подъем. И вдруг Г. К. говорит:

— Я не пойду.

— Отчего?

— А что мне это даст?

— ? ! То есть?

— Что мне даст этот вечер? Я за это время успею десяток задач решить.

И остается. И решает. Не потому, что ему это интереснее, чем вечер молодежной газеты (это понять можно, можно даже позавидовать такой одержимости!), а потому что десяток задач — это еще одна ступенька, ведущая к дверям Политехнического.

Загляните в школу, родители отличников. И давайте поговорим об их воспитании по большому счету. Никак не следует забывать о воспитании нравственном, ибо оно делает нас человеком.

Не просмотрите с началом нового учебного года — и нынешнего и следующего — не просмотрите за отличными оценками личности своего ребенка.

Есть у С. Я. Маршака чудесные строчки:

Пусть каждый день и каждый час

Вам новое добудет.

Пусть будет добрым ум у вас,

А сердце умным будет.

Из этого мудрого пожелания, вернее, наказа, надо исходить и родителям, дети которых учатся посредственно или совсем плохо. Многим из вас знакома такая семейная сценка, в которой действующих лиц всего двое, а волнений и слез хватает с избытком. Она младшая — симпатичное синеглазое существо в пионерском галстуке. И старшая — строгая мама.

Между ними типичнейший диалог:

— Решай, а то получишь двойку.

— Не выходит.

— Читай внимательно условие.

— Я читаю, а она все равно не выходит.

— Думай.

— Я не умею.

— Что не умеешь!? — голос мамы звенит от еле сдерживаемого гнева.

— Думать не умею.

По-детски прямолинейно и беспощадно сказано, но это правда. Девочка действительно не умеет думать, рассуждать, анализировать — вот главная ее беда. Не умеет думать не от недостатка ума, а от отсутствия культуры умственного труда.

Как многому мы учим своих детей: надевать чулки, держать вилку, кататься на коньках. Даже рисовать учим — каждый в меру своих способностей. А вот думать — зачастую не учим.

Не учим самому тяжелому виду человеческого труда — умственному. А справиться с этим сами дети часто не могут. В этом кроется одна и, видимо, самая главная причина плохой успеваемости. Есть и другие: лень, нежелание учиться, отставание и т. д. Нет смысла все их перечислять. Важно, что неуспевающие ученики сегодня — это результат плохого воспитания вчера. Так бывает в подавляющем большинстве случаев, за исключением детей с замедленным умственным развитием.

Итог всех этих бед плохие оценки в школе, ссоры родителей с детьми, крик, нервозность, слезы и категоричность требований, которые кажутся торою просто нелепыми.

— Принесешь двойку — выпорю!

— Еще одна плохая оценка — все лето будешь сидеть дома.

А они их все равно приносят, эти злосчастные двойки, и не одну, и не две. И плачут сами, и расстраивают родителей.

В чем же выход? В строгих угрозах? В жестких наказаниях? Нет и нет! Глубоко убеждена, что начинать надо с другого — с воспитания того, что не хватает ребенку для нормальной учебы. С воспитания тех самых качеств, о которых мы забыли в свое время (а теперь наша забывчивость выходит нам боком): трудолюбия, настойчивости, умения думать.

Наверное, в каждом случае будет свой особый путь, а финал будет одинаковым — положение исправится. Не от окрика и раздражения, а от вдумчивости, терпения и помощи нашей.

Сошлюсь на один пример, свидетелем которого была сама.

В одной хорошо знакомой мне семье много лет подряд не

ладилось у мальчика дело с грамотностью. Тройки чередовались с двойками. Неграмотность была следствием плохого, неясного произношения слов в детстве, невыразительного чтения и стала прямо горем в семье.

Веселый, общительный мальчик все больше замыкался в себе, потому что, несмотря на строгое требование мамы быть предельно внимательным во время диктанта, он все равно приносил двойки, которые, в свою очередь, порождали страх, неуверенность в своих силах и, естественно, новые двойки.

Потом, это было уже в 7-м классе, по рекомендации учителя он стал ежедневно делать упражнения по русскому языку самых разнообразных видов. Ежедневно, зимой и летом, в воскресенье и в будни, на каникулах и в учебные дни 40 минут он занимался по русскому языку, исписал много общих тетрадей, но в течение трех лет совершенно выровнялся, закончил школу с твердой четверкой по русскому языку. А главное — с верой в свои способности и возможности.

Нет в педагогике более взаимосвязанных явлений, чем воспитание детей и их учеба в школе. Эти величины находятся в прямой зависимости друг от друга.

Не торопитесь сердиться, кричать и требовать. Поторопитесь разобраться, что вы или школа упустили в воспитании. Не сетуйте на отсутствие способностей, не упрекайте в этом детей, оскорбляя их достоинство.

Да, не каждый может усвоить школьный курс на «5», но усвоить его хорошо может каждый. Не посредственно, а хорошо. Я не оговорила. Уверена, что наступит время, когда все дети будут учиться хорошо. Это явится результатом сознательного отношения к учебе и высокой культуры умственного труда.

Наша с вами задача максимально приближать это время.

И потому надо всегда успеваемость ребят в школе критически соотносить с уровнем их воспитанности. Не радуйтесь пятерке, если за нею не видно души сына. Не делайте трагедии из двойки, если за нею маленький, беспомощный, а, может, большой, ленивый и несобранный ваш сын, которому помогут не окрик и угроза, а ваша помощь и требовательность.

Есть ли друзья у ваших детей?

Среди вопросов родителей, обращенных к учителю, можно услышать самые разные, но чаще всего об учебе и поведении детей:

Как у Гали с сочинениями?

Не опоздывает ли Володя на уроки?

В какой кружок лучше записаться Юре?

И так до бесконечности. Радует это пристальное внимание родителей к учебе детей, желание их глубже разобраться в требованиях, предъявляемых школой, стремление помочь ребятам хорошо учиться.

Но вот собрание заканчивается. И индивидуальные беседы тоже. Расходятся родители и учителя. Но с разным чувством. Родителям кажется, что теперь-то они в курсе всех дел своей детворы. Учитель уходит с ощущением тревоги и неудовлетворенности: самого главного вопроса ему сегодня не задали. Его никто не спросил?

Ну, а какие они — наши Сережи, Вали...? С кем дружат? Умеют ли дружить? Как к Коле относятся ребята в классе? А сам он — болеет ли за класс?

Не задали этих вопросов. И это не дань случайности. Это почти закономерность.

В очень многих семьях, к сожалению, принято считать, что если сын справляется с учебной программой и ему не грозит переэкзаменовка на осень или даже тройка по предмету, если он не дерзит старшим и является домой вовремя — причин для тревоги нет.

А если к тому же он много читает и не увлекается расширенными книзу брюками, то вообще представляется ходячей добродетелью.

Совершенно несправедливо выпадают из поля зрения родителей очень важные вопросы о взаимоотношениях сына или дочери с коллективом класса, с товарищами, с друзьями или подругами.

А между тем вопросы детской дружбы имеют первостепенное влияние на формирование нравственности наших детей; эти вопросы можно и нужно считать центральными вопросами воспитания.

И знаете, почему? Когда мы задаем себе вопрос, кого мы бы хотели прежде всего видеть в своем сыне, мы отвечаем себе — человека, живущего с людьми, любимого и уважаемого ими; человека, живущего для людей.

Ребенок не рождается коллективистом. Он становится им

в процессе общения: с мамой, папой, бабушкой, сестренкой, братишкой, а чуть позже — с товарищами.

И тем острее должен ставиться вопрос о детской дружбе, о взаимоотношениях с товарищами там, где ребенок растет один. Хотя, разумеется, эта проблема не снимается и для многодетных семей, просто она там решается проще.

Дружба детства и юности светит человеку всю жизнь... Когда при встрече с другом или подругой школьных лет счастливо вздрагивает сердце и улыбка невольно трогает губы — это ведь не дань сентиментальности только.

Наверное, так происходит потому, что настоящие друзья детства остаются друзьями на всю жизнь, потому что отношения с ними согреты отблеском самых счастливых дней в человеческой жизни.

С другом детства и юности всегда можно начать разговор с середины: ведь он все понимает с полуслова... С ним невозможно фальшивить и в 30, и в 40 лет, как невозможно было сфальшивить в 12...

У меня всегда вызывают жалость люди, которых в детстве не коснулись чистые крылья дружбы.

И если мы хотим, чтоб жизнь наших детей была по-настоящему интересна и богата, если мы хотим вырастить их людьми высокой и чистой нравственности, мы должны очень внимательно относиться к этой стороне их ребячьей жизни.

А то ведь как бывает:

В конце визита к Петровым спрашиваю у Алешиной мамы, милой, веселой женщины:

— А с кем дружит Алеша?

И слышу беспечное:

— Да бегают все тут к нему какой-то мальчик беленький. Алеша, как его зовут-то?

Другая мама сообщает горделиво:

— Вы знаете, Петя и во двор не выходит играть. Все больше дома копается в конструкторах разных. И я довольна, потому что он дома, на глазах.

А оснований для спокойствия нет ни в том, ни в другом случае. Особенно — во втором. Мы представляем себе двор средоточием всех дурных влияний, которые могут обрушиться на наше чадо. Что ж, это отчасти правда. На улице курят мужчины и даже, случается, подростки. На улице можно встретить и пьяного. А во дворе услышать разговоры тетешек о мужчинах вообще и о мужьях, в частности, совсем не предназначенные для детского слуха. Все это так.

Но во дворе наши дети еще и приобретают первые практические навыки общения с людьми, воспитывают в себе чувство коллективизма, взаимопомощи, товарищества.

Вы с самого раннего детства учили сына защищать сла-

бого, быть хорошим товарищем. Вы учили его доброте и щедрости.

Более того. Вы даже с удовольствием отмечаете, что ваши усилия приносят скромные плоды. Вчера, когда вы всей семьей возвращались из кино и натолкнулись у подъезда на дерущихся ребят, он храбро шагнул к ним и попробовал не без успеха их урезонить.

Вечером он так настойчиво и логично отстаивал свою точку зрения на кинофильм, что даже отец похвалил:

«Хоть ты и неправ, сын, но хорошо, что не поешь с чужого голоса. Ошибки у человека должны быть тоже самостоятельные».

Таков ваш сын в общении с людьми, когда вы рядом: смелый, спокойный, настойчивый паренек. Ему нетрудно быть хорошим рядом с вами, ибо его от плохого удерживает любовь к маме, к хорошему побуждает уважение, даже, порою, взгляд мамы, ее улыбка... А без вас? Каков он без вас?

Шагните за ним потихоньку из дверей своей квартиры. И спуститесь во двор. И посмотрите, как встретят его товарищи. Закричат радостно: «Вовка вышел!» Бросятся, затормошат? Или никто не заметит даже? И он будет стоять в стороне одиноко, робко, может, даже презрительно глядя на ватагу хоккеистов, но все же одиноко?

Как принимают вашего сына дети вашего двора?

Посмотрите предельно тактично.

Собственно не обязательно спускаться во двор, в буквальном смысле слова. Надо просто интересоваться этим, и тогда вы все будете знать.

Если к вашей дочери бросаются с салазками малыши, если вы увидите, как она согревает в руках их ладошки и носы, если, разбив мячом стекло, не сваливает вину на подругу, если...

Словом, если ваш ребенок заявляет о себе как личность, в которой нуждаются товарищи, отсутствие которой замечают, поверьте — это уже совсем немало.

Это первая ступенька в большой и сложной веренице человеческих отношений, с которыми дети столкнутся, став взрослыми.

И очень важно, насколько прочно и верно сделают они свои первые, а оттого самые трудные шаги на пути человеческого общения.

Среди многих сверстников и сверстниц наши сыновья и дочери находят себе и закадычных друзей. И мы должны знать не только, как их зовут. Мы вообще хорошо должны знать друзей своих детей, товарищи родители.

Знать их интересы, привычки, способности, увлечения, особенности характера, чувствовать их душевный настрой.

Независимо от того, сколько им — только 7 или уже 15.

Знать отношение их к нашему сыну или дочери. Какое оно: уважительное, дружелюбное или высокомерное?

И уж, конечно, присмотреться к тому, а каким другом является сын.

...Хорошие ученики, как правило, умиляют нас, учителей. И тем более — пап и мам. А эта мама возмущалась. Возмущалась, рассказывая о собственном сыне, хорошем, дисциплинированном ученике из 9 «г». Он самый остроумный парень в классе. И самый веселый. А дружит с серьезным и молчаливым Костей. Давно и крепко дружит. Об этом знают все.

— И вдруг Костик перестал у нас бывать, — рассказывала мать Юры. — Мы с отцом спрашиваем, что случилось?

— Ничего, мне с ним скучно! Хотя наизнанку выворачивайся — не улыбнется. Раньше он не такой был! — Этот ответ ошеломил родителей.

— Да ведь у него несчастье в семье, мать совсем потеряла слух!

— Что ж и мне теперь плакать надо? И всему классу — из солидарности?

— Я как услышала это, оцепенела, а потом по щекам его, по щекам! За предательство. И скорей в школу! Что-то надо делать!? Комсомольцев собрать? Что-то надо делать! — мать Юры сидела взволнованная, со слезами на глазах.

У этой истории хороший конец. Никакого собрания не потребовалось: такой весомой оказалась материнская ладонь. Хотя, конечно, не средство так воспитывать чуткость по отношению к другу. Но тут важно другое: мать и отец не оказались в стороне, заметили, где и в чем сын себя неверно повел, заметили отсутствие друга сына в их доме — понимаете?

Заметили, спросили, встревожились.

Потому что понимали: за отношением к другу кроется отношение к жизни.

Чтобы научить нашу детвору бескорыстию и верности, и чуткости в дружбе (поверьте, им очень нужна наша помощь), мы должны (я говорила об этом выше) хорошо знать друзей наших детей. А значит — видеть их. А значит — раскрывать им двери наших квартир. Широко и гостеприимно раскрывать. Не боясь, что они внесут в дом шум и беспорядок. А они его внесут, конечно! Но в нем-то, в этом ребячьем шуме, озорстве, игре, даже беспорядке, зарождаются те самые качества человеческой личности, которые, суммируясь, образуют понятие «общительный человек».

Здесь, в детстве, споря, ссорясь, уступая и ошибаясь, и признавая ошибки, учатся мальчишки и девчонки мужеству, честности, верности.

Важно при этом родителям занять правильную позицию:

не вставать на защиту своих детей, если они неправы, особенно по отношению к коллективу;

помочь сыну или дочери увидеть хорошее в товарище (ведь мы, взрослые, судим о детях глубже и объективнее, чем они сами);

развивать общие интересы у ребят.

Есть удивительный рассказ у Юрия Нагибина «Эхо». Он как раз об этом — о детской дружбе, о том, как мама помогла сыну увидеть в худой некрасивой девочке с мальчишечьим именем Витька настоящего человека, прелестное существо, с душой поэтической и сильной.

Это мама сказала сыну беспощадные и строгие слова о том, что в дружбе человеческой еще никогда рядом не ужились честность, чистота и предательство. Непременно вместе с детьми прочитайте этот умный, тонкий, добрый рассказ. Непременно.

У детей, особенно младшего школьного возраста, дружба не возникает часто потому, что нет интересного общего дела.

Походят-походят несколько дней вместе, потом станет скучно — разойдутся.

Очень хорошо, когда в этот момент рядом оказывается старший друг — мама, папа, учительница. Тот человек, что поможет вдохнуть жизнь в гаснущее сердце дружбы. Будет ли это увлечение книгой, театром, спортом, рыбной ловлей, шахматами, марками — не это главное.

Важно здесь другое: на основе этого общего увлечения рождаются симпатии, интерес к личности товарища, углубляется жизнь души — взрослеет человек!

Итак, самый частый ваш вопрос к учителю (а как у сына оценка по химии?) — не самый главный. Не о том только спрашивайте, каким он станет химиком, а и о том, — станет ли он в жизни по отношению к людям товарищем — верным? Другом — преданным? Сыном — любящим?

С чего начинается Родина?

Сейчас стало уже очень модно говорить об организации летнего отдыха детей. Целый год их организуем то на уроках, то на слетах. И летом та же песня. А когда они отдыхать будут? Просто отдыхать?

Вчера на родительском собрании у меня даже неприятный разговор с учительницей вышел по этому поводу. Подошла с тетрадочкой и спрашивает:

— Чем Ваш Петя будет заниматься летом?

— Ничем. Будет парное молоко у бабки пить. Она обиделась...

Хмелевская Я. И.

Мы прощались. Наступали летние каникулы. Уже во всю припекало солнышко, уже на бледные городские физиономии моих пятиклашек робко лег первый загар; уже неумоготу было заниматься: так манили лес и река.

Все жили ожиданием встречи с летом — безмятежным, ласковым летом, которое придет завтра — 1 июня.

— Что же вы будете делать на каникулах? — спрашиваю ребят.

— Позагораем!

— Погоняем в футбол!

— Поиграем в прятки!

Какие они еще дети!

Но все равно, а, может, именно поэтому мне хочется, чтоб они еще и подумали летом: посидели, присмирив, однажды летним вечером и подумали...

И потому, поколебавшись, я все-таки даю задание: на 10 страничках школьной тетради описать 10 самых ярких и запомнившихся дней лета.

Сначала они возмутились. Вежливо, но все же...

— Неужели и летом писать и думать о приставках?

— А если не будет интересных дней?

— А если я никуда не поеду?

Пробую объяснить. Пробую доказать, что дело не в том, куда ездил — на Карпаты или в Семилуки. Дело в том, как смотрел вокруг, когда ехал. И смотрел ли?

Полушутя, полусерьезно на самый крайний случай выдвигаю спасительную тему «Как меня съедала скука».

Если никуда не поехал, если было скучно и неинтересно,

садись и живо напиши о том, как тебя съедала скука: сразу, оптом, или по кусочкам.

Рассмеялись. Расстались мы дружески.

А на завтра в путешествие отправляются 80 начинающих журналистов — моих пятиклашек.

И вот их «проба пера» передо мной на столе.

Читаю, улыбаюсь и теперь — уж не разумом только, а сердцем понимаю, как прав был Л. Толстой, восторгаясь живой наблюдательностью яснополянских ребятишек.

Те ребятишки стали уже седовласыми дедушками, их правнуки живут в иные времена, поют иные песни, но, видно, есть у детства разных поколений одна счастливая особенность — широко раскрытые навстречу жизни глаза.

Читаю и думаю: в этих маленьких детских заметках о летних впечатлениях отразилась, как в капле воды, большая наша страна, сила и доброта ее.

На поездах и самолетах, на пароходах и машинах пересекали страну в самых разных направлениях мои пятиклассники.

Крым, Кавказ, Дальний Восток, Западная Украина, Москва, Ленинград, Волгоград, Краснодар, Киев, Астрахань и Архангельск, села и хутора, станции и полустанки...

Право, если б отметить на контурной карте все места, где они побывали, немая карта заговорила бы языком воздушных, водных, железнодорожных трасс весомо и празднично.

А сколько впечатлений от лагерной жизни!

Веселые звуки пионерского горна будили их по утрам. И день дарил свои радости: купанье на реке, туристские походы, военную игру «Зарницу», фестиваль республики, спартакиаду.

Володе Пирогову понравился «Вечер романтиков», а Лене Павловой — экскурсия в Бобровский заповедник.

Мальчишки, захлебываясь от гордости за собственную храбрость, писали о том, как их отряд победил зеленых и взял неприступную высоту...

Столько чистой детской радости и ликования на этих страничках летних дневников.

Счастливые они, наши дети. Им порою трудно представить себе, что и сегодня на нашей планете Земля можно встретить печальные, голодные глаза их сверстников.

Помню, изучали мы с ребятами в 5-м классе повесть Короленко «Дети подземелья». Эмоциональное воздействие ее на детей огромно. Вот прочитана последняя строка. Класс замер. О чем думают ребята? Что их волнует?

Спрашиваю, что им больше всего понравилось в повести, какие чувства и мысли она вызывает?

Ответы были разными.

«Мне очень жаль Марусю, особенно, когда она откры-

ла глаза и заплакала, увидев, что Вася хотел взять куклу».

«Я был очень рад, что судья понял сына, мне этого хотелось, ведь Вася хороший, а судья этого не видел».

Третьи (их, правда, немного): «А мне больше всего нравится, как Вася ловко пробрался в часовню».

Последнеестораживает, потому что такая оценка свидетельствует о глухоте подростка к социальным и моральным проблемам повести.

Они представляют себе жизнь Валека и Маруси далеким прошлым, отошедшим в историю, а коль так — к чему вспоминать?

Надо, чтоб страницы книги Короленко прозвучали болью сегодняшнего дня. Читаю учащимся:

«Я хотел бы уснуть и увидеть счастливый сон, но не могу. Я чувствую, будто мне не 8 лет, а 80, я устал от жизни».

И задаю чуть-чуть провокационный вопрос:

— Кому из героев повести Короленко принадлежат эти слова?

— Конечно, Валека сказал!

— Валеку, Валеку!

— Нет, дети. Я прочитала вам одно из 150 писем итальянских детей, изданных в СССР под названием «Долина чистилища».

И принадлежат они вашему ровеснику и современнику Армандо Виргалито.

А потом читаю письмо девятилетней Симонетты Бьянкини:

«Мы живем в подвале, и зимой в нем проходит вся моя жизнь. Мои родители — бедняки, папа почти всю зиму сидит без работы... Мне часто хочется есть, но разве я могу сказать об этом своим родителям: ведь и они голодны».

Ребята притихли: оказывается, судьба Маруси и ее брата — не далекое историческое прошлое, а беда и боль сегодняшнего дня нашей планеты.

Наша детвора растет, пользуясь неопределимыми благами свободы, просвещения, завоеванными для них героической борьбой и трудом отцов и дедов. Это великое счастье наших дней. Но мы должны показать детям цену этого счастья. Мы обязательно должны это сделать.

И потому правильно поступил отец Юры Федорова: летом, взяв сыновей за руки, он прошагал с ними по дорогам войны, по местам, где бился с врагом, когда был немногим старше их.

Уверена: надолго, надолго — навсегда — запомнит мальчишка дороги этого лета, которые он прошел с отцом.

Не может забыться это волнующее путешествие в отцовскую суровую юность. И острее станет в душе Юры чувство благодарности за мирное небо над головой...

...А вот послушайте, как раздвигается горизонт впечатлений, умений и навыков городских мальчишек и девочек, когда они соприкасаются с землей, с трудом хлебоборонов и садоводов. Почти все они так или иначе работали в деревне.

«С утра все девочки, в том числе и я, ушли на работу — прорывать кукурузу. Жарко печет солнце, а мы ходим по зеленым джунглям кукурузы и срываем ненужные верхушки. Кажется, это легко и просто. Но к концу дня ноги устают, руки подраны о листья и нестерпимо болят. Но все равно мы обрываем ежедневно 120 рядков кукурузы. Домой идем гордые, хоть и очень уставшие за день», — рассказывает Галя Толоконникова.

Они, все мои пятиклассники, конечно, знали, что булочки не растут на деревьях. Но представляли ли, как дорог не мешок зерна даже, а каждый колосок, выращенный крестьянской рукой? Знали ли? Нет. А может, кто и знал. Понаслышке. А это ведь необходимо знать и понимать сердцем своим, чувствовать ладошками своими...

Конечно, важно, чтоб идеи добра, красоты труда и подвига впитывались нашими ребятами из книг, на школьных уроках, в театре, в кино. Все это надо. И полезно. Но все это (помните, у Солоухина?) — напоминает консервы, которые не слишком богаты витаминами. А как нужны настоящие, не консервированные витамины ребячьей душе! И они получают их, общаясь с природой, занимаясь физическим трудом, необходимость которого они ясно осознают, работая рядом с людьми, золотые руки которых растят хлеб.

Это совершенно необходимо, чтоб дети знали, сколько стоит хлеб.

А то ведь и до курьезов дело доходит. Вырастают дети в асфальтированном интеллектуальном Воронеже нашем, попадают однажды с трудовым десантом на прополку арбузов:

«Машина проезжала мимо пшеничных полей. И вот мы подъезжаем к полю, заросшему травой. У дороги лежали сохи, поблескивая заточенными концами. Я догадался, что этими сохами мы будем полоть кусты арбузов», — написал хороший, насквозь городской мальчишка.

...Дети не шагают, а бегут по жизни. Этот бег порою так стремителен и бездумен, что не оставляет времени осмысливать увиденное. А когда приходит пора раздумья, оказывается, что нет ярких впечатлений — забылось все.

Поэтому — остановите их сейчас. На минутку. Пусть посмотрят закат над рекой. И огни над вашим городом. Пусть запомнят пионерский горн своего детства. И пусть ощутят, как приятно горят ладони от работы. Не только больно, но и приятно. Пусть запомнят все это наши дети: с этого начинается Родина, С этого рождается гордость за нее.

Я согласна со всеми положениями Вашего выступления о нравственном воспитании детей. Я понимаю, что успех в воспитании может принести только близость с детьми, интерес к их жизни. Но, простите, в наше время это невозможно осуществить. Из-за сумасшедшего темпа жизни, из-за вечной нехватки времени, из-за ежедневной спешки.

Напишу о себе, но уверена, что многие семьи находятся в таком же положении. У меня семья из 4 человек: двое детей (8 и 11 лет), я и муж. Оба, разумеется, работаем. Дети учатся. С утра уходим все вместе, а возвращаемся в разное время. Дети после 12 часов дня предоставлены сами себе, так как после работы я еще захожу в магазины и возвращаюсь домой к 6 часам в лучшем случае. Готовлю ужин, обед на завтра, укладываю детей спать. И получается так, что мне толком с ними и поговорить некогда, только и успеваю, что отчитать за все грехи недели в субботу.

И я со страхом вижу, что дети становятся труднее, хуже: и солгать могут, и учатся хуже, и ко мне менее ласковы, чем 5 лет назад. А вы говорите — близость...

Письмо пришло из Ленинграда. А вот письмо из Латвии от человека пожилого, персонального пенсионера Александра Лаврентьевича С. Детально подсчитав бюджет времени современной работающей женщины, он тоже пришел к выводу о нехватке времени для воспитания детей, особенно у матерей. И ему представляется возможным решить этот вопрос таким способом: воспитание детей от ясельного до 17-летнего возраста осуществлять в единой системе: ясли — детский сад — интернат, что привело бы к созданию идеальных условий для формирования нравственного мира ребенка.

Каждая мать и каждый отец, думается, сразу представят, как много потеряет семья, в которой не будут звенеть детские голоса, слышаться первые слова и первые шаги... Как многого лишится отец, который перед уходом на работу не сможет взглянуть на спящего своего малыша.

Семья лишится одной из самых важных и поэтических своих сторон.

Думаю, Александр Лаврентьевич со мной согласится. А

вот корреспондентке из Ленинграда мне хочется возразить. Возразить, конечно, не отрицанием действительно большой загруженности наших женщин на производстве и в работе по дому. Я сама мать и учительница и знаю, что это такое. Разговор, который возник на страницах «Литературной газеты» о том, какие изменения следует внести в организацию женского труда на производстве, чтобы высвободить время для воспитания детей, носил вовсе не праздный характер. Об этом свидетельствует поток писем в редакцию. Многие участники разговора считают, что между наличием большого количества свободного времени у женщины и кардинальным улучшением воспитания детей есть прямая зависимость.

Но что парадоксально (а, может, напротив — логично?!) самые энергичные протесты против предложения — освободить женщину от работы на производстве и даже при определенных условиях платить ей зарплату за воспитание детей — самый энергичный протест заявили женщины! Потому что это не выход из положения.

И в самом деле: оглянитесь вокруг и вы найдете среди ваших знакомых семьи, в которых матери не работают, а заняты ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. Посмотрите, намного ли воспитаннее и благополучнее дети в таких семьях, намного ли они уважительнее по отношению к матери?

Может, воротнички и ботинки у них чище. Обед съеден вовремя. Это правда. Но учительская наша практика показывает, что в школу мы вызываем мам-домохозяек не реже, а, пожалуй, почаше тех, что работают.

И они беспомощно разводят руками: «Целый день слежу за ним, сидит на всем готовом, даже галстук выглажу, а он такой... Никакого сладу!».

Это не преувеличение. Это правда. Потому что в деле воспитания опаснее всего качество присутствия воспитателя (учителя, вожатого, отца, матери) подменять количеством присутствия. Это два разных понятия по природе своей, а мы упорно их в деле воспитания ставим в прямую пропорциональную зависимость.

...10 «г» совсем, что называется, отбился от рук. Вчера ребята не явились на дежурство, плохо работали на воскреснике, в журнале полно двоек. Встревожены учителя. Волнуются родители. Директор вызывает классного руководителя:

— В чем дело?

— Не знаю.

— И все-таки?

— Не знаю. Я все время с ними. И в турпоходе, и в кино.

И газету при мне они делали. Все время им отдаю.

А вот результата нет. Хотя учительница ничего не приписала себе, не преувеличила: действительно все время с классом. Так сказать, количество присутствия превышает норму. А качество его? Чем наполнено это время, что учитель отдает детям, что составляет суть пребывания с детьми? Если только физическое присутствие, оно стало просто надоедливым и, разумеется, ничего не значащим для ребят. Да, да, все дело в качестве нашего присутствия, а оно-то совсем не просто дается и приходит как результат раздумий над воспитательными задачами, анализа своих действий и характера ребенка.

Вы замечали, вероятно, и не раз, что даже отправляясь за покупками, мы мысленно прикидываем маршрут, часы работы магазинов, удобство и быстроту транспорта, дефицит предполагаемых для покупки вещей или продуктов, чтоб в итоге у нас получился оптимальный вариант из возможных: купить быстро, дешево, хорошего качества. Стоит попробовать ринуться без учета всех этих важных факторов, на авось, без учета своих возможностей и возможных затруднений — получается из рук вон плохо: и не то, и не так. И настроение испорчено. Так ведь это всего-навсего покупки. В воспитании урон значительнее. И портится не настроение. Порою вся жизнь человеческая.

Мы часто не утруждаем себя сознанием, что находимся под пристальным взглядом детей. Что жизнью своей, поступками, делами воспитываем гораздо активнее и глубже, нежели нотациями, для которых у нас не хватает времени.

Уходя утром на работу, отец не захватил плаща. Дезь был напряженным, сдавали трудный заказ. Контролер из ОТК придирался больше обычного. Возвращался домой он под дождем. Вымок. Принимая от жены тарелку с борщом, ворчал: «В космос летать научились, а погоду предсказать не могут!» Жена, стараясь смягчить раздражение мужа, бездумно, но убежденно, поддерживала: «Какое там погоду. Хоть бы плащи порядочные научились выпускать!»

И этот мирный обывательский разговор продолжается в течение всего ужина. Сын сидит молча, вроде бы и не слушает, а запоминает все.

Потом отец ложится на диван отдохнуть и просмотреть газеты. В комнате тепло и чисто. Льет мягкий свет. Тишина. Настроение поднимается, про дождь забыто. Совершенно ясно, что контролер из ОТК был справедлив в своих требованиях: слава богу, их завод поставляет свою продукцию чуть ли не во все страны мира, и не годится портить честь советской марки. На лице появляется улыбка. Это от сознания хорошо прожитого рабочего дня. От вкусного ужина. От всего этого тепла домашнего очага.

— Ты что папа улыбаешься?

— Да так...

Молчание. Телевизор. Потом сон. Тут и качество и количество присутствия, так сказать, налицо. Родители не удосуживаются говорить с детьми о великих буднях — добрых делах наших. Почти стесняются. Считают это чуть ли не признаком дурного тона. А ведь мы, взрослые, должны вот в эти минуты общения с детьми раскрываться перед ними не в своих случайных настроениях, а в том, что определяет смысл, самое главное содержание нашей жизни. И еще неизвестно, где прочнее закладываются в душе ребенка основы идейной убежденности: на уроке, когда учитель рассказывает о новостройках-гигантах, или дома, поздно вечером, когда усталый, осунувшийся за день отец прямо из прихожей шагнет к кровати сына, присядет на минутку и расскажет, какой у него сегодня был трудный, но славный день.

И эти несколько минут серьезного, доверительного разговора, который запомнится на всю жизнь, рядом с прикосновением шершавой отцовской ладони к твоим волосам, и запахом его спечки, и крепкими руками, важнее и нужнее сыну, чем, может, суточные дозы бездумного надзора.

Или, положим, налицо равнодушное отношение дочки к книгам, перешедшее с годами в стойкую нелюбовь к чтению. Как исправить это? Одна мама в беседе со мною сказала: «Если б я не работала, я бы добилась своего». «Как?» — поинтересовалась я.

— Любими средствами! Заперла бы в ванной вместе с книгой, так она невольно бы полюбила чтение!

— А мне думается, что девочка еще больше бы его возненавидела.

— Тут, главное, проследить, проверить, — не сдается мама, — она обязана читать.

— Она должна любить читать.

Мы говорим на разных языках. Все от этого самого ошибочного убеждения, что главное в воспитании — время, все остальное приложится. А главное тут другое — мысль.

Ведь есть десятки приемов пробуждения любви к чтению, стоит только подумать, проанализировать, а откуда она — нелюбовь? Где ее исток?

Заполнить каждое мгновение общения с детьми содержанием, интересом к миру — вот что важно и трудно. Трудно потому, что предполагает наличие в нас самих богатства души и интереса к окружающему. А все это рождается не у газовой плиты, разумеется.

Чем ярче личность матери и отца, тем больше они дадут детям. А она тем ярче, чем значимее и нужнее они обществу.

И именно потому, что времени у нас мало (а его-таки мало!) надо не опускать руки, а больше думать и заботиться о качестве присутствия своего, когда мы рядом с детьми.

12 коп.

**Индекс
70062**

издательство „знание“